

Библейско-богословская коллекция
ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Пыпин А.

**ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА
МОСКОВСКОЙ РУСИ**

**СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ
И «ЛАТИНСКАЯ ЧАСТЬ».**

**ПАТРИАРХ ИОАКИМ.
СВ. ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ**

Вестник Европы, 1894, № 11, с. 273-323

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА

МОСКОВСКОЙ РОССІИ

II.—Сильвестръ Медвѣдевъ и „латинская часть“.—Патріархъ
Іоакимъ.—Св. Димитрій Ростовскій *).

Конецъ XVII вѣка представляетъ странное смѣшеніе литературныхъ элементовъ, въ которомъ встрѣчаются совершенно разнородныя теченія: онѣ идутъ рядомъ, иногда сливаясь, иногда вступающія въ ожесточенную борьбу, но въ сущности не сознають всей той глубокой противоположности, которая ихъ раздѣляла,—только по инстинкту онѣ чувствовали одно къ другому непримиримую вражду. Исходъ борьбы оказался въ концѣ концовъ совсѣмъ не тотъ, какого та или другая сторона ожидали. Боролись два направленія: одно изъ нихъ, вводившее схоластическія новизны (давно впрочемъ устарѣвшія въ западной Европѣ), называли тогда „латинскою частью“; противъ нея возставало „греческое ученіе“, подъ которымъ разумѣлась подлинная, нетронутая московская старина; но въ результатъ въ судьбахъ русскаго просвѣщенія взяла верхъ совсѣмъ новая сторона—прямое влияніе западно-европейской образованности и литературы, которое стало, наконецъ, основою совсѣмъ новой литературы; схоластика XVII вѣка въ извѣстной мѣрѣ удержалась потомъ только въ духовной школѣ, продолжавшей преданія кіевской академіи; въ массѣ общества распространялось все болѣе сильное дѣйствіе западной *свѣтской* литературы.

Какъ мы видѣли, въ царствованіе Алексѣя Михайловича ря-

*) См. выше: окт., 741 стр.

домъ съ тѣмъ, какъ становилась все болѣе очевидной необходимостью помощи иноземцевъ во всевозможныхъ практическихъ потребностяхъ государственнаго быта, въ Москвѣ непосредственно заявила себя западно-русская ученость съ первыми попытками свѣтскаго литературнаго элемента, въ лицѣ Симеона Полоцкаго. Правда, то знаніе, какое приносили иноземцы, не совсѣмъ совпадало съ ученостью Полоцкаго; но то и другое было близко въ томъ отношеніи, что вносило въ московскую жизнь совсѣмъ неизвѣстные прежде умственные запросы; то и другое открывало доступъ западнымъ вліяніямъ, — а для истыхъ приверженцевъ московской старины (именно въ высшей іерархіи) это западное было ненавистно въ той же мѣрѣ, въ какой всякія повизны были ненавистны для протопопа Аввакума. Уровень понятій въ массѣ московскаго общества былъ столь исключительно церковный и, относительно каковаго бы ни было научнаго знанія, столь невысокій, что и тотъ небольшой запасъ схоластической учености, какой приносили люди западно-русской школы, съ одной стороны возбуждалъ въ Москвѣ жестокую вражду, а съ другой получалъ великую привлекательность для тѣхъ, въ комъ пробуждалась любознательность и работа мысли. Кромѣ людей, учившихся въ западно-русскихъ школахъ или у западно-русскихъ ученыхъ въ Москвѣ, встрѣчаются уже люди, которые бывали въ самыхъ западныхъ школахъ, даже въ іезуитскихъ школахъ въ Римѣ; нѣкоторые изъ нихъ приходили въ Москву въ ожиданіи найти здѣсь мѣста въ качествѣ учителей, но здѣсь ихъ встрѣчало обыкновенно подозрѣніе относительно ихъ православія, которое иногда дѣйствительно оказывалось поврежденнымъ, и въ Москвѣ имъ не находилось мѣста. Это бывали не только выходцы западно-русскіе, но и самые подлинныя суздальцы, какъ Артемьевъ. Большею частью эти люди сами не въ состояніи были разобраться въ своихъ церковныхъ понятіяхъ, когда на западѣ ихъ окружала атмосфера католицизма, а въ Москвѣ принимались за злѣйшую ересь не только какія-либо догматическія отклоненія, но и простые книжные приемы латинской схоластики ¹⁾. Подъ западно-русскимъ вліяніемъ въ са-

¹⁾ Изъ многочисленныхъ примѣровъ подобныхъ столкновеній укажемъ, напрямѣръ, исторію Яна Вѣлободскаго, обличеніе котораго ставилось въ большую заслугу Духудамъ, — хотя изъ самаго обличенія видно, что Вѣлободскій даже не заслуживалъ особенныхъ хлопотъ. См. также:

— „Григорій Скибинскій. Очеркъ изъ исторіи духовнаго просвѣщенія въ концѣ XVII в.“, М. Никольскаго, въ „Правосл. Обзорѣніи“, 1862, ноябрь, стр. 169—178.

— „Русскіе выходцы изъ заграничныхъ школъ въ XVII столѣтіи. Петръ Артемьевъ“, М. Никольскаго, тамъ же, 1863, мартъ, стр. 246—270, и др.

мой Москвѣ являлись горячіе приверженцы новаго ученія, которыхъ причисляли здѣсь къ „латинской части“. Самымъ выдающимся изъ такихъ людей былъ извѣстный питомецъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ.

Біографія Медвѣдева до сихъ поръ не выяснена и его сочиненія не собраны въ одно цѣлое ¹⁾. Скучность историческихъ извѣстій не допускаетъ цѣльнаго представленія объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ, который у враждебныхъ ему современниковъ получилъ славу „злого латинника“ и котораго имя помрачено прикосновенностью къ заговору Шакловитаго, за что онъ и былъ казненъ въ 1691 году. Въ глазахъ тѣхъ историковъ, которые готовы были видѣть въ Симеонѣ Полоцкомъ питомца іезуитовъ и врага православной церкви; ученикъ его Медвѣдевъ тѣмъ болѣе является тѣмъ же „злымъ латинникомъ“, какимъ считали его въ свое время московскіе приверженцы старины: онъ — зловредный еретикъ и упомянутые біографы съ полной увѣренностью примѣняютъ къ нему тѣ укорительныя или бранныя слова, какими осыпали Медвѣдева его московскіе враги.

Когда судьба Медвѣдева уже рѣшилась, одинъ современный обличитель ²⁾ изображаетъ его слѣдующими чертами:

„Въ царствующемъ градѣ Москвѣ бысть нѣкто, образомъ монашескимъ одѣявъ, именемъ Сильвестръ, прозваніемъ Медвѣдевъ,

¹⁾ Первое упоминаніе о немъ въ нѣсколькихъ строкахъ сдѣлано было въ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Повикова, 1772; далѣе, въ „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина“, митрополита Евгенія (2-е изд., 1827), не безъ ошибокъ; біографическая замѣтка въ „Запискахъ русскихъ людей“, Сахарова, Спб. 1841, при изданіи записокъ Сильвестра Медвѣдева о стрѣльцкомъ бунтѣ 1682.

— „Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славяно-русской бібліографіи“ В. Ундольскаго, въ „Чтеніяхъ“ моск. Общ. исторіи и древностей, 1846, № 3, XXVIII и 90 стр., біографическая замѣтка съ объясненіемъ научнаго значенія труда Медвѣдева, здѣсь изданнаго: „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“.

— Упомянуты о Медвѣдевѣ въ „Обзорѣ духовной литературы“ Филарета, и у историковъ церкви.

— Названія раньше сочиненія Образцова и С. Любимова.

— Сильвестра Медвѣдева „Извѣстіе истинное“, С. Бѣлокурова, въ „Чтеніяхъ“, 1885, кн. 3-я, біографическое предисловіе и текстъ сочиненія Медвѣдева, XI и 87 стр.

— Шляпкинъ, „Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651 — 1709 г.)“. Спб. 1891, гл. III—IV.

²⁾ Неизвѣстный авторъ повѣсти „О ростригѣ, бывшемъ монахѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, вводившемъ ересь латинскую въ великороссійскій народъ“, въ книгѣ „Остепь“. Составителемъ самой книги былъ злѣйшій врагъ Медвѣдева, монахъ Евѣимій, ученикъ и преемникъ Елифанія Славенickaго.

родомъ сый отъ града Курска, и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячей, иже во вся своя дни твораше распри и свары, и мя себе мудра быти, неувъ сый; языкъ свой изостряше яко змиинъ; въ устнахъ его бѣ ядъ аспидовъ, полнъ горести и отравы: злоковаренъ бо бѣ отъ юности возраста, и многорѣчивъ, и остроглаголивъ, и любопривъ (яко пишетъ святой Епифаній купрскій о Аріи еретицѣ, яко таковъ бѣ), уста имѣя безъдверна, и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубительный всякаго лжесловія и коварствъ... яко юноша оный (о немже преподобный Никонъ антиохіавинъ пишетъ), въ немже хитрословяше демонъ, въ Оригенѣ еретицѣ глаголавый, съ нимже, юношею, никто спудеевъ можаше противоглаголати; вся бо тыя, многази же и епископы самыя и клирики, прешираше, дондеже святой Епифаній купрскій молитвою своею изгна изъ юноши онаго демона того, и тогда оста юноша онъ яко единъ поселянинъ, ничтоже умѣяя отъ писаній глаголати. Къ сему еще оный Силвестръ у нѣкоего іезуитскаго ученика ¹⁾ пріучися чести латинскія книги. И отъ таковаго книгъ онаго чтенія и отъ наслышанія устоглаголаннаго онаго учителя своего и иныхъ латинниковъ обычаемъ латинскимъ навывче весь онамо уклонися и, отступивъ отъ святыхъ восточныхъ церкви и отъ святѣйшаго Іоакима патріарха, тщашеся, по Божію поущенію, дѣйствомъ же діаволскимъ, догматы и преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, сущая по чину восточныхъ святыхъ церкви, развратити и въ латинство народъ православный превратити: еже и содѣлалъ бы, аще не бы всемогущая десница Вышняго предварила и злоумышленіе его разорила и самаго его сокрушила... Святѣйшій же патріархъ, видѣ его, Силвестра, яко не покарается древнихъ святыхъ отецъ ученіемъ и словесъ ихъ не пріемлетъ и народъ наипаче смущаетъ, предаде его за оный мятежъ анаѳемѣ и съ писаними его таковыми ²⁾.

Въ житіи патріарха Іоакима Медвѣдевъ прямо изображается какъ ересіархъ и какъ виновникъ „новоявленной латинской дымящейся главни Аркудіевы или Медвѣдевы“ ³⁾ и т. п.

Эти отзывы XVII вѣка не были убѣдительны для новѣйшихъ историковъ. Митр. Евгеній, при всѣхъ заблужденіяхъ Медвѣдева, призналъ, что онъ „одаренъ былъ острою ума и отъ природы даромъ краснорѣчія“ и обладалъ начитанностью. Ундольскій, „не входя въ разборъ сношеній Медвѣдева съ Шаклови-

¹⁾ Подразумѣвается Симеонъ Полоцкій.

²⁾ Остенъ. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Казань, 1865, стр. 74—76.

³⁾ Житіе въ изданіи Общ. люб. др. письменности, 1879, стр. 96.

тымъ“, былъ очень высокаго мнѣнія о томъ ученомъ библиографическомъ трудѣ: „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“, принадлежность котораго Медвѣдеву была имъ впервые указана. „Нужно ли прибавлять,—говорилъ Ундольскій въ заключеніе своего разысканія о Медвѣдѣвѣ, котораго онъ называлъ отцомъ славяно-русской библиографіи,—что частная жизнь Медвѣдева, его замыслы и поносная смерть, нисколько не мѣшаютъ совершенству его библиографическихъ трудовъ? Отдавая имъ должную справедливость, издатель вовсе не думалъ скрывать ничего о жизни Медвѣдева. Безпристрастная исторія разберетъ его дѣло, для насъ *не совсѣмъ ясное*, допросить каждаго изъ участниковъ и свидѣтелей по отдельнѣ, сдѣлаетъ имъ очныя ставки, и рѣшитъ его въ пользу правыхъ. Во всякомъ случаѣ Медвѣдева всегда будутъ считать самымъ трудолюбивымъ и дѣльнымъ писателемъ своего времени“. До сихъ поръ этого допроса свидѣтелей еще не было сдѣлано; но можно сказать, что когда одни изъ новѣйшихъ историковъ хотятъ еще буквально принимать вышеприведенныя обличенія „Остена“, другіе относятся уже съ большимъ недоувѣріемъ къ этимъ отзывамъ, явно внушеннымъ непримиримою злобою, и одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ, вслѣдъ Ундольскому, говоритъ уже о Сильвестрѣ Медвѣдѣвѣ, что это былъ „мужъ науки, неусыпно занимавшійся ею во время своей жизни и ради своихъ научныхъ убѣжденій такъ печально и несчастливо окончившій свою жизнь“¹⁾; а другіе, какъ увидимъ, еще рѣшительнѣе приимаютъ сторону Медвѣдева противъ его враговъ, какъ патріархъ Іоакимъ, братья Лихуды, монахъ Евѣимій.

Годъ рожденія Медвѣдева (по мірскому имени Симеона) неизвѣстенъ, какъ неизвѣстно и сословіе, къ которому онъ принадлежалъ. Современныя извѣстія упоминаютъ только, что онъ былъ родомъ изъ Курска и былъ сначала „писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій“; первыя точныя извѣстія начинаются съ 1665 года, когда онъ былъ на службѣ подъячимъ тайнаго приказа, который былъ собственной канцеляріей царя. „Въ подъячіе въ эту канцелярію,—говоритъ г. Бѣлокуровъ,—выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, потому что имъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ, его тайныхъ дѣлъ. Они исполняли порученія царя по домашнимъ его дѣламъ, возили переписку царя съ Ординымъ-Нащокинымъ и другими близкими лицами и пр. Однимъ словомъ, это были лица, которымъ царь вполнѣ вѣрилъ.

¹⁾ Бѣлокуровъ, стр. XXV.

Все это, разумѣется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ тайный приказъ и если (вѣроятно) молодой Медвѣдевъ попадаетъ въ число подъячихъ къ тайнымъ дѣламъ царя, то одно уже это обстоятельство много свидѣтельствуетъ въ пользу Медвѣдева¹⁾. Одно старое показаніе говоритъ, что въ одно время съ нимъ и въ томъ же чинѣ служилъ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ Федоръ Шакловитый, но это не вѣрно, потому что Шакловитый поступилъ въ приказъ только въ 1673 году, когда Медвѣдева тамъ уже не было¹⁾.

Въ томъ же 1665 году мы встрѣчаемъ Медвѣдева въ упомянутой раньше школѣ Симеона Полоцкаго въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ Медвѣдевъ долженъ былъ учиться „по латынямъ“ и „граматичному ученію“; школа строилась на деньги тайнаго приказа и предназначалась въ особенности, если не исключительно, для дворцовыхъ подъячихъ²⁾. Медвѣдевъ пробылъ здѣсь около трехъ лѣтъ. Въ маѣ 1668 года Медвѣдеву съ товарищами велѣно было сопровождать Ордина-Нащокина въ его посольствѣ въ Курляндію, „для наученія“. Чему они тамъ научились — неизвѣстно; въ слѣдующіе два года Медвѣдевъ числится еще въ тайномъ приказѣ. Чтò онъ дѣлалъ затѣмъ, опять неизвѣстно. Въ началѣ 1672 года Медвѣдевъ выѣхалъ изъ Москвы въ Путивль вмѣстѣ съ Софроніемъ, игуменомъ Молченской пустыни въ этомъ городѣ. Повидимому, онъ думалъ уже о поступленіи въ монастырь: въ 1673 году онъ былъ еще міряниномъ, а въ августѣ 1675 уже монахомъ въ той же Молченской пустыни. Думаютъ, что учитель его Полоцкій внушилъ ему рѣшеніе устраниваться отъ міра; другіе, какъ г. Забѣлинъ, полагаютъ, что была при этомъ мысль о средствахъ къ болѣе широкой дѣятельности: „какъ умный и дальновидный человѣкъ, онъ очень хорошо понималъ, что такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе и скорѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія“. Дѣйствительно, уже вскорѣ мы видимъ Медвѣдева въ Москвѣ занятымъ и церковными и мірскими вопросами того времени, въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ царскому двору, сторонникомъ того направленія, которое называли тогда „латинскою частью“, словомъ, въ тѣхъ церковныхъ, ученыхъ и мірскихъ отношеніяхъ, въ какихъ дѣйствовалъ его учитель, Полоцкій.

¹⁾ См. „Замѣтку для біографіи Сильвестра Медвѣдева“, И. Е. Забѣлина, въ „Лѣтописяхъ“ Тихомирова, V, стр. 120—126.

²⁾ Майкова, „Очерки“, стр. 17, 49—51.

Еще въ школѣ начались и утвердились близкія отношенія Медвѣдева къ этому учителю, который передалъ ему свои познанія и свое направленіе. Современники отмѣчаютъ вообще, что Медвѣдевъ, научившись у Полоцкаго, сталъ „чести латицскія книги“: это одно было уже довольно худымъ признакомъ въ глазахъ приверженцевъ старины и оказалось источникомъ дальнѣйшихъ ересей Медвѣдева. Мы видѣли, какъ недружелюбно относились московскіе люди къ Симеону Полоцкому; еще болѣшую вражду возбудилъ къ себѣ Медвѣдевъ, когда онъ, менѣе осторожный, чѣмъ Полоцкій — впрочемъ при обстоятельствахъ, которыя казались ему благопріятными, въ правленіе царевны Софьи — болѣе смѣло выступилъ съ своими церковными мнѣніями... Въ письмахъ Медвѣдева ¹⁾ видна сильная привязанность его къ Полоцкому и видны также его отношенія съ кругомъ образованныхъ людей въ Москвѣ, между прочимъ изъ іерархіи и боярства. Въ 1672 г. онъ писалъ къ Полоцкому изъ Путивльской пустыни, что нашелъ тамъ „братію явившихся и являющихся мнѣ благопріятныхъ, мѣсто — красотою, уединеніемъ и изобиліемъ надъ иныя сичевыя мѣста богато; аще бы единъ изъять былъ страхъ военный, то со трудностію бы ко благоутишію покоя кому обрѣсти таковое мѣсто“; онъ благодаритъ Полоцкаго, ему 'отъ Бога „во изневѣжествованіе и храненіе даннаго, любезнѣйшаго, милостиваго отца и благотворителя“, и проситъ его: „ради того божественнаго Промысла, иже мене твоей святости вручи и преискреннюю во твоёмъ сердцѣ ко мнѣ отеческую твою любовь огнемъ благодати Своея возже, не опусти мя... изъ любви твоея“. Повидимому, уже въ эти годы имя Медвѣдева, какъ любимаго ученика Полоцкаго, стало извѣстно при дворѣ. Въ 1677 году, по воцареніи Федора Алексѣевича, Медвѣдевъ переѣхалъ въ Москву и поселился въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, и когда однажды царь посѣтилъ монастырь, онъ оказалъ Медвѣдеву особенно милостивое вниманіе. „При семъ, — писалъ Медвѣдевъ къ князю Мих. Гр. Ромодановскому, — яко моему особливому милостивому благодѣтелю, не невѣстно и сіе да сотворится, яко іуліа во 13 день, великій государь благоволилъ быти въ Спасскомъ монастырѣ, и мене о моемъ постриженіи,

¹⁾ Ими въ первый разъ пользовался Ундольскій въ сборникѣ Строева, принадлежавшемъ тогда Погодину; Ундольскимъ снята была съ нихъ копія, которая находится въ собраніи его рукописей въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ (№ 793), откуда пользовались ими Майковъ и Бѣлокуровъ. Подлинный сборникъ Строева Черешель съ Погодинскими рукописями въ Публичную бібліотеку въ Петербургѣ: см. перечисленіе ихъ у Бычкова, „Описаніе рукоп. сборниковъ Ими, Публ. Библіотеки“. Ч. I. Слб. 1882, стр. 359—365. Это — черновыя письма Медвѣдева.

и чего ради не восхотѣлъ на Москвѣ жити, самъ распрашивалъ милостивно. И, выслушавъ мой отвѣтъ, благоволилъ не единократно приказать мнѣ жити на Москвѣ, и во знамя своея государскія ко мнѣ милости, пожаловалъ приказалъ мнѣ дать на иныхъ всѣхъ развѣ отца Симеона богатѣйшую (келлію) и присутствующіе всѣ, еще ему стоящу и зрящу, явились ко мнѣ милостиви“. Не лишено вѣроятности предположеніе, что Медвѣдевъ былъ вызванъ Симеономъ Полоцкимъ въ послѣдніе годы его жизни для участія въ своихъ трудахъ: напримѣръ, Полоцкій поручилъ ему приготовленіе къ издацію своихъ сочиненій,—и Медвѣдевъ дѣйствительно является его ревностнымъ ученикомъ и продолжателемъ его направленія. Мы упоминали прежде, что Полоцкому приписывается тотъ планъ академіи, который впослѣдствіи представленъ былъ Медвѣдевымъ царевнѣ Софьѣ въ 1685 году. Вѣроятно, благодаря влиянію Полоцкаго Медвѣдевъ въ 1678 году назначенъ былъ справщикомъ и вмѣстѣ книгохранителемъ московскаго печатнаго двора: надъ какими изданиями онъ работалъ, неизвѣстно; но весьма вѣроятно, что въ это время онъ составлялъ упомянутое „Оглавленіе книгъ“, для котораго требовалась именно большая библіотека, а такова и была библіотека печатнаго двора. Ундольскій полагалъ, что въ работѣ надъ „Оглавленіемъ“ Медвѣдевъ пользовался своими собственными книгами: „онъ имѣлъ обширную, по тогдашнему времени, библіотеку, въ особенности печатныхъ книгъ на польскомъ ¹⁾, латинскомъ и славянскихъ языкахъ. Часть ихъ теперь находится въ синодальной, нѣкоторыя въ московской семинарской, другія въ московскомъ комитетѣ для цензуры духовныхъ книгъ, а самая большая часть въ библіотекѣ московской духовной типографіи. Рукописи, которыми пользовался Медвѣдевъ, почти всѣ можно отыскать въ синодальной библіотекѣ“. Кромѣ того онъ могъ, конечно, пользоваться и книгохранилищемъ печатнаго двора. Ундольскій, называя Медвѣдева отцомъ славяно-русской библіографіи, показалъ уже этимъ свое высокое понятіе о трудѣ Медвѣдева: дѣйствительно, новѣйшій ученый, который сдѣлалъ эту же библіографію дѣломъ всей своей жизни, ставилъ очень высоко „Оглавленіе“ Медвѣдева по обширному знанію старой письменности, какое въ немъ обнаруживается, по чрезвычайной точности его указаній, по вѣрности библіографическаго приѣма, до котораго долго не доходили и новѣйшіе библіографы, какъ Строевъ, Калайдовичъ и самъ Востоковъ. От-

¹⁾ Замѣтимъ, что сохранилось одно письмо его еще изъ Путивля на польскомъ языкѣ.

мѣтивъ многія важныя указанія Медвѣдева о памятникахъ старой письменности, Ундольскій говоритъ, что „будь издано Оглавленіе книгъ вѣсколькими годами раньше, тогда не возникло бы многихъ библиографическихъ недоумѣній и споровъ“, и приводитъ примѣры; онъ предполагаетъ даже, что Калайдовичъ, который зналъ „Оглавленіе“ (хотя не зналъ о его принадлежности Медвѣдеву), въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи объ Іоаннѣ экзархѣ болгарскомъ могъ найти здѣсь первое руководство для своихъ открытій ¹⁾.

По смерти Симеона Полоцкаго Медвѣдевъ сталъ главнымъ представителемъ его направленія въ Москвѣ. Повидимому, уже вскорѣ онъ назначенъ былъ на мѣсто Полоцкаго строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, какимъ и оставался до своего заключенія подъ стражу. Онъ замѣнилъ Полоцкаго и въ качествѣ придворнаго стихотворца: въ февралѣ 1682 года онъ подноситъ царю Феодору Алексѣевичу „привѣтство брачное“ по случаю его бракосочетанія, а въ апрѣлѣ того же года онъ пишетъ вирши на его кончину: „о преставленіи государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича... плачь и утѣшеніе, двадцатьма виршами, по числу лѣтъ его царскаго пресвѣтлаго величества, аже поживе въ мірѣ“ ¹⁾. По примѣру Полоцкаго онъ завелъ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ учили латинскому языку: въ августѣ 1684 года одинъ ученикъ „изъ Спасскаго монастыря, что за иконнымъ рядомъ“, говорилъ патриарху въ крестовой палатѣ „орачію“. Мечтой Медвѣдева было сдѣлать изъ своей школы академію, и съ этой цѣлью онъ представлялъ царевнѣ Софьѣ въ январѣ 1685 упомянутый раньше проектъ, быть можетъ, унаслѣдованный отъ Полоцкаго, и проектъ былъ утвержденъ, но въ мартѣ того же года прибыли въ Москву греки, братья Лихуды, и новое учебное дѣло было поручено имъ въ Богоявленскомъ монастырѣ. Братья, или, какъ тогда говорили, „самобратія“ Лихуды, учившіеся въ Венеціи и Падубѣ, сославшіеся въ Москву на рекомендацію восточныхъ патриарховъ, встрѣчены были здѣсь очень милостиво и стали во главѣ новой школы, вѣроятно потому, что являлись представителями „греческаго ученія“ въ противоположность „латинской части“. Такимъ образомъ Лихуды предвосхи-

¹⁾ Ундольскій, стр. XIX—XX.

²⁾ „Привѣтство“ было тогда же напечатано въ Москвѣ; см. Соликова, Опытъ рос. библиографіи, т. I, № 910. Вирши о преставленіи напечатаны въ „Древней російской Визіюникѣ“ Новикова, 2-е изд., т. XIV, стр. 95—111. Раньше мы упоминали объ эпиграфѣ Полоцкому, составленной Медвѣдевымъ по приказанію царя Феодора Алексѣевича; она издана тамъ же, у Новикова, т. XVIII, стр. 198—199.

щали планъ Медвѣдева, и это, какъ полагаютъ, было поводомъ къ ожесточенной враждѣ, которая уже вскорѣ перешла на церковно-полемическую почву, гдѣ Медвѣдева ославили распространителемъ „Аркудіевой ереси“, тогда какъ Лихуды являлись охранителями православія. Изъ Богоявленскаго монастыря школа Лихудовъ была переведена потомъ въ Заиконоспасскій и тогда, по видимому, и школа Медвѣдева закрылась и ученики ея переведены въ новую школу.

Мы упоминали раньше о томъ, какъ недружелюбно относился тогдашній патріархъ Іоакимъ къ Симеону Полоцкому; нерасположеніе должно было перейти и на его преемника, и впоследствии оно дѣйствительно превратилось въ жестокое преслѣдованіе. Но на первое время—потому ли, что не представлялось поводовъ, или потому, что Медвѣдевъ пользовался расположеніемъ царя Ѳедора Алексѣевича—этой вражды незамѣтно, и въ 1681 году Медвѣдеву было даже дано порученіе обличить еретика Яна Бѣлободскаго, выходца изъ Польши, жившаго тогда въ Москвѣ: отвѣтъ Медвѣдева представленъ былъ патріарху, читанъ былъ въ патріаршей крестовой палатѣ и послужилъ отвѣтомъ Бѣлободскому на его челобитную; позднѣе еще разъ обличали этого еретика братья Лихуды, монахъ Евѣимій и пр. ¹⁾

Наконецъ тѣ же братья Лихуды выступили врагами Медвѣдева въ чисто богословскомъ вопросѣ, стараясь ослабить его ученый авторитетъ и въ особенности, кажется, возстановляя противъ него патріарха Іоакима, при чемъ помогали имъ и чудовскій монахъ Евѣимій. Это былъ извѣстный споръ по вопросу о пресуществленіи ²⁾.

¹⁾ Отвѣтъ Сильвестра Медвѣдева на Wyznanie Wiary Яна Бѣлободскаго, 10-го іюня 1681, издавъ въ Памятникахъ къ исторіи протестантства въ Россіи, Цѣтаева. Ч. I. Москва 1888, стр. 219—240.

²⁾ Разпогласіе восточной и западной церкви заключается здѣсь въ слѣдующемъ:

„Церковь православная, вѣруя, что хлѣбъ и вино прелагаются на литургіи въ тѣло и кровь Христа Спасителя, вѣруетъ въ то же время, что преложеніе это совершается на ней дѣйствіемъ Святаго Духа, призываемаго тогда для сего священнослужащимъ. „Священникъ,—говорится въ Исповѣданіи ея,—освящая дары, такъ долженъ мыслить, что самое существо хлѣба и самое существо вина прелагается въ существо истиннаго тѣла и крови Христовой дѣйствіемъ Святаго Духа, котораго призываетъ въ сіе время для совершения сего таинства, молитвою и словами: „низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащіе дары сіи, и сотвори убо хлѣбъ сей, честное тѣло Христа твоего, а еже въ чаши сей, честную кровь Христа твоего, преложивъ Духомъ твоимъ Святымъ“. Послѣ сихъ словъ немедленно бываетъ пресуществленіе: хлѣбъ превѣняется въ истинное тѣло Христово, а вино въ истинную

Новѣйшій біографъ Медвѣдева придаетъ этому спору великую важность. Вопросъ можетъ показаться чисто богословскимъ, говорить онъ, но онъ имѣлъ большое значеніе въ исторіи нашего развитія. „Споръ здѣсь шель не о частномъ вопросѣ, а о цѣломъ методѣ мышленія и вѣрованія. Дѣло въ томъ, что церковь православная основывала свое воззрѣніе на томъ, что слова молитвы признаются во всѣхъ литургіяхъ искони, т.-е. основывалась на преданіи церковномъ. Католическая же церковь говорила, что молитва: „нынѣ и мы приносимъ“... сочинена мужами, хотя авторитетными, но все же сочинена, а словами: „пріимите“... и т. д. совершенно таинство самимъ Исусомъ Христомъ. Какъ скоро вопросъ переходилъ на эту почву, то вопросъ становился о томъ, какая разница между умозаключеніемъ и преданіемъ, на чемъ должна основываться вѣра, на мышленіи или на преданіи. Если признать первое, то и вопросы о непогрѣшимости папы, о благодати будутъ имѣть свой *raison d'être*. Дѣйствительно—если мы скажемъ, что церковь есть видимое тѣло, а папа есть глава церкви, то должны будемъ признать, что такъ какъ церковь непорочна, то глава ея тоже непороченъ. Если Христосъ родился

кровь; остаются только одни виды ихъ, представляющіеся взору“. „Остень“. Казань, 1865, предисловіе, стр. 2.

Установивъ это ученіе православной церкви, авторъ того же изслѣдованія приводитъ въ подтвержденіе свидѣтельства отцовъ церкви и продолжаетъ:

„Вотъ на какихъ основаніяхъ утверждаетъ церковь православная вѣру свою въ то, что на литургіи хлѣбъ и вино прелагаются въ тѣло и кровь Спасителя молитвою и благословеніемъ священнослужащаго! Нужно ли замѣчать, что вѣра эта есть истинное исповѣданіе и древнѣйшее преданіе, которое желающіе спастись и отвергающіе новыя и скверныя лжеумствованія еретиковъ никонимъ образомъ не должны измѣнять: напротивъ, обязаны блюсти въ цѣлости и неповрежденности сіе законное преданіе?“ (по словамъ Посланія восточныхъ патріарховъ о православной вѣрѣ, Москва, 1848).

„Но церковь западная не соблюла, въ сожалѣнію, этой вѣры въ цѣлости и неповрежденности, но измѣнила ее. Съ теченіемъ времени, возымѣвъ болѣе довѣрія къ недалновиднымъ соображеніямъ разума, нежели къ свящ. Писанію и звящ. Преданію, въ ней начали учить и вѣрить, что хлѣбъ и вино прелагаются на литургіи въ тѣло и кровь Спасителя не молитвою и благословеніемъ священнослужащаго, но словами Господа, изреченными Имъ при установленіи святѣйшаго таинства евхаристіи. „Существенную форму таинства сего,—говорятъ учителя ея,—составляютъ слѣдующія слова: „сіе есть тѣло Мое“ и „сія есть кровь Моя“ или: „чаша крови Моея“. Вслѣдствіе сего, молитву, которою священнослужачій призывалъ, для предложенія даровъ, Святаго Духа, церковь западная исклѣчила, наконецъ, изъ своей литургіи, особенно галльской, къ XI вѣку, въ XIV вѣкѣ приняла означенное ученіе окончательно, а въ XV, на соборѣ флорентинскомъ, выдала его за всегдашнее ученіе Церкви вселенской. Къ большому сожалѣнію, въ XVII вѣкѣ ученіе то проникло и въ отечество наше, на св. Русь православную“... (тамъ же, стр. 12—13).

безъ первороднаго грѣха, могъ ли Онъ родиться отъ матери, которой былъ причастенъ первородный грѣхъ? Потому та, которая родила его, или была свободна отъ грѣха, или какимъ-нибудь актомъ освободилась отъ него. Такъ какъ акта, которымъ мать Божія освободилась отъ грѣха, не было, ergo она была *immaculata*. Совсѣмъ другое у православныхъ, гдѣ все основывается на преданіи. По православному ученію, церковь есть совокупность всѣхъ вѣрующихъ; чтó признано всѣми вѣрующими, то обязательно, то догматъ. Ученія о безпорочности Дѣвы, о непогрѣшимости папы не существовало у насъ, потому что не было установлено вселенскими соборами; но передѣлывать того, чтó постановлено ими, не слѣдуетъ. Такимъ образомъ въ православной церкви являлось принципомъ подчиненіе личности всеобщему вѣрованію. Споръ между этими двумя воззрѣніями, хотя формальный, былъ, однако, чрезвычайно важенъ, такъ какъ имъ устанавливалось различіе между раціонализмомъ и вѣрованіемъ въ церковное преданіе¹⁾.

Должно прибавить, однако, историческую оговорку. Дѣло въ томъ, что разграниченіе мышленія и преданія въ дѣйствительности не можетъ быть опредѣлено съ абсолютною точностью. Мышленіе участвовало въ самомъ составѣ преданія, и значеніе преданія опять разъясняется мышленіемъ. Область богословскихъ вопросовъ, какъ они были выработаны первыми вѣками христіанства, между прочимъ, предполагала извѣстную степень богословскаго, а также философскаго образованія, которою московскіе книжники вовсе не обладали. Мы видѣли раньше, какъ въ XV и XVI столѣтіяхъ они пришли къ тому, что даже смѣшивали понятія догмата и обряда, чтó само по себѣ было уже грубой ошибкой противъ ученія церкви, и восточные патріархи дѣйствительно неоднократно указывали московскимъ іерархамъ на эту ошибку. Книжники XVII-го вѣка, благодаря отчасти притоку того же кievскаго образованія, отчасти прямому вмѣшательству ученыхъ грековъ, какъ восточные іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву²⁾, какъ Арсеній Грекъ, теперь братья Лихуды—эти книжники стояли, конечно, выше своихъ предшественниковъ, но въ ихъ понятіяхъ оставалось еще слишкомъ много старой узкой исключительности; и когда они возставали противъ „аргументовъ и силлогизмовъ“ своихъ противниковъ, державшихся

¹⁾ Бѣлокуровъ, стр. XV—XVI.

²⁾ Припомнимъ, напр., что первое обличеніе раскола, составленное Полоцкимъ и изданное отъ имени московскаго собора (въ „Жезлѣ правленія“), основано было главнымъ образомъ на трудѣ Паисія Лигарида.

„латинской части“, это было не то отрицаніе раціонализма, какое разумѣть въ вышеприведенныхъ словахъ біографъ Медвѣдева, но вообще боязнъ всякой науки, имѣеть ли она отношеніе къ догмату или не имѣеть. Они дѣйствительно боялись этой невѣдомой науки, о которой не могли составить себѣ яснаго понятія. Мы упоминали, какъ московскіе книжники, разсматривая катехизисъ Лаврентія Зизанія, увидѣли въ его словахъ о небесныхъ вругахъ и планетахъ ту страшную астрологію, которая строго запрещалась древними христіанскими наставленіями, показалась имъ „еллинскимъ волхвованіемъ“. Арсеній Сухановъ (во время знаменитыхъ преній съ греками въ Терговищѣ) задавалъ іерусалимскому патріарху Паисію вопросъ о разницѣ лѣтосчисленія отъ сотворенія міра до Рождества Христова ¹⁾, и когда патріархъ совѣтовалъ ему говорить объ этомъ съ его учеными людьми, Арсеній отказывался: эти „дасколы“ не внушали ему довѣрія, потому что они — „люди науки высокой, говорить съ ними не умѣть о правдѣ“; и наука ихъ іезуитская; Арсеній думалъ, что у грековъ въ этомъ предметѣ погрѣшено, „донецъ по взятіи Царя града отъ турка, латинницы книги греческія всѣ выкупили, у себя переправя, печатали по-гречески и вамъ раздавали“ ²⁾. Сухановъ, очевидно, не имѣлъ никакого представленія о той наукѣ, которая должна была разрѣшать хронологическій вопросъ, и не понималъ, что „іезуитская наука“ была здѣсь не при чемъ. Когда, оспаривая „латинскую часть“, московскіе книжники осуждали „аргументы и силлогизмы“, эти орудія логическаго мышленія вообще представлялись имъ какъ нѣчто подозрительное, чего истинно-благочестивому человѣку слѣдуетъ остерегаться... Противники Медвѣдева, какъ монахъ Евѳимій и особенно патріархъ Іоакимъ, человѣкъ мало книжный, стояли именно на такой точкѣ зрѣнія. Медвѣдевъ былъ ученикъ питомца кіевской школы, знакомый съ „аргументами и силлогизмами“, а по убѣжденію его враговъ Полоцкій былъ именно ученикъ іезуитовъ. Въ концѣ концовъ то отношеніе къ преданію, какое было у московскихъ книжниковъ, совсѣмъ устраняло возможность науки; вражда къ аргументамъ и силлогизмамъ упраздняла логику, — это, вѣроятно, чувствовали представители кіевского образованія, и этого было достаточно, чтобы затруднить или даже совсѣмъ уничтожить между двумя сторонами взаимное пониманіе. Кіевскіе ученые, издавна окруженные атмосферой латинской школы, латинской литературы

¹⁾ Въ разныхъ церковныхъ источникахъ эта цифра показывалась различно — въ 5600 лѣтъ, 5508 и др.

²⁾ Проскинитарій, въ изданіи Палестинскаго Общества, стр. 337—338.

могли воспринять, и дѣйствительно восприняли, кое-что изъ частныхъ богословскихъ подробностей этой литературы; но что поэтому они не сдѣлались „латинниками“, объ этомъ свидѣтельствовала вѣковая борьба юго-западной Руси противъ католичества и уни, борьба, въ которой она была предоставлена только собственнымъ силамъ. Москва, ничѣмъ не участвовавшая въ этой борьбѣ, никогда не могла понять той заслуги, которая принадлежала здѣсь именно этой юго-западной наукѣ; не нашла въ себѣ достаточно терпимости къ нѣкоторымъ ошибкамъ, какія находила въ „литовскихъ“ книгахъ; вмѣсто мирнаго обсуждения и соглашенія сыпала только обвиненіями въ латинствѣ, угрозами и проклятіями, и наконецъ совсѣмъ не понимала того языка, какимъ говорила юго-западная школа, знакомая съ схоластической наукой, съ древней міеологіей, съ приемами реторики и піитики и т. п.,—когда, напримеръ, риторическое упоминаніе о греческихъ божествахъ (конечно, безвкусное, но совсѣмъ безвредное въ религіозномъ отношеніи) представлялось москвичамъ еллинскимъ идолослуженіемъ.

На такой почвѣ разыгрался споръ о пресущественіи. Въ западно-русской литературѣ католическіе взгляды о времени пресущественія появляются задолго до того, когда начался споръ по этому вопросу въ Москвѣ ¹⁾. Эти взгляды еще въ первой половинѣ XVII-го вѣка отразились въ „литовскихъ“ книгахъ, которыя обращались и въ Москвѣ, но это разнорѣчіе съ православнымъ взглядомъ не было особенно замѣчаемо, или даже его совсѣмъ не замѣчали. До послѣдняго времени остается не вполне выяснено, какъ именно возникъ споръ въ восьмидесятыхъ годахъ XVII-го вѣка. Симеонъ Полоцкій въ вопросѣ о пресущественіи держался латинскаго взгляда, и у него было однажды, впрочемъ еще мирное пока, преніе объ этомъ съ Епифаніемъ Славеницкимъ. Медвѣдевъ несомнѣнно воспринялъ отъ него это латинское мнѣніе. Когда, какъ мы видѣли, въ 1681 году ему поручено было написать обличеніе противъ Бѣлободскаго, Медвѣдевъ опровергъ различные „люторскіе“ взгляды послѣдняго и въ числѣ ихъ было полное отриваніе пресущественія; но въ этомъ обличеніи Медвѣдевъ о времени пресущественія не говоритъ. Позднѣе, но неизвѣстно когда именно, Медвѣдевъ изложилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ въ особомъ сочиненіи, въ вопросахъ ученія и отвѣтахъ учителя, подъ заглавіемъ: „Хлѣбъ животный“, и здѣсь время пресущественія обозначено словами Христа, а не молитвой Іерем.

¹⁾ Ср. объ этомъ показанія, собранныя у Шляккипа, „Дмитрій Ростовскій“, гл. III—IV, но, впрочемъ, не сведенныя въ цѣльное изложеніе.

Сочиненіе Медвѣдева осталось въ рукописи и, какъ говорятъ, отличается „необыкновенной мягкостью изложенія“¹⁾. Съ появленіемъ въ Москвѣ Лихудовъ, когда ясно высказались враждебныя отношенія между „греческимъ ученіемъ“ и „латинской частью“, орудіемъ борьбы явился вопросъ о пресущественіи. Евѡимій и Лихуды дѣйствовали въ союзѣ противъ Медвѣдева подъ покровительствомъ патріарха, который также не былъ къ нему расположенъ. Повидимому, Евѡимій выпустилъ противъ Медвѣдева обличеніе (въ рукописи),—можетъ быть, даже не одно,—гдѣ кромѣ Медвѣдева осуждены были также южно-русскія книги, дававшія мѣсто латинскому мнѣнію о пресущественіи, между прочимъ, православное исповѣданіе Петра Могилы. Отвѣтомъ на это послужило новое сочиненіе Медвѣдева (опять рукописное) подъ названіемъ „Манна хлѣба животнаго“: латинское мнѣніе о пресущественіи защищалось здѣсь на основаніи южно-русскихъ сочиненій и западныхъ богословскихъ книгъ, а восточное мнѣніе порицалось за то, что придавало больше значенія молитвамъ священника, чѣмъ словамъ самого Христа, и держитъ человѣческое преданіе только ради того, чтобы не соудлашаться съ Римомъ. Впослѣдствіи, на допросахъ 1690 года, Медвѣдевъ говорилъ, что книгу „Манну“ онъ писалъ по приказанію царевны Софьи и поднесъ ей эту книгу. Но почти одновременно съ „Манной“ вышло сочиненіе Лихудовъ подъ названіемъ: „Акосъ или врачеваніе, противопологаемое ядовитымъ угрызеніемъ зміевымъ“ и т. д., 1687, написанное ими по-гречески, подправленное, какъ говорятъ, Евѡиміемъ и тогда же переведенное на славянскій языкъ²⁾. Книга Лихудовъ должна была служить опроверженіемъ латинскихъ и униатскихъ сочиненій противъ восточной церкви, переводимыхъ и на русскій языкъ единомышленниками униатовъ: авторы говорятъ, что они „ради прещеній (угрозъ) на всякъ день отъ нѣкіихъ не мудрыхъ убо, по неученыхъ и льстецовъ, въ

¹⁾ Полное заглавіе его было такое: „Книга глаголемая Хлѣбъ животный, изъясненная варацѣ христіанскія ради общеувѣрительныя пользы душъ и отъ соблазновдѣтельныхъ и сумнительныхъ помысловъ на общесъ спасеніе всему христіанству о пресвятѣйшей тайнѣ, уреданнѣй и утвержденнѣй самимъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, о евхаристіи или рекше о пречистыхъ тайнахъ Тѣла и Крове Господни“ (Шлякинъ, стр. 146).

²⁾ Время появленія „Акоса“ опредѣлялось различно и, между прочимъ, эта книга считалась опроверженіемъ на „Манну“. Вѣроятнѣе то, что оба сочиненія писались одновременно, но „Манна“ была выпущена не вся и потому въ концѣ ея (вышедшемъ позднѣе) есть опроверженіе нѣкоторыхъ мѣстъ „Акоса“, а въ послѣднемъ о „Маннѣ“ не упоминается (Шлякинъ, стр. 150 и дал.; ср. Бѣлокурова, стр. XVШ).

упорствѣ единомъ сатанинскомъ пребывающихъ, молчали“, но теперь отвѣчаютъ по повелѣнію великихъ государей царей и великія государыни царицы и по благословенію патріарха.

Появленіе этихъ двухъ книгъ окончательнo опредѣлило двѣ враждебныя партіи, и наибольшую нетерпимость обнаружила именно партія греческаго ученія: ихъ противники—латинчики, научились отъ іезуитовъ, что и видно изъ ихъ „начертаній“ и „глаголаній“ (т.-е. изъ сочиненій и словъ); во всѣхъ латинскихъ и польскихъ книгахъ, говорилъ Евѡимій, „безъ ереси не есть и безъ противности нашей церкви не обрѣтается, иждѣ явленно, а иждѣ утаенно и коварно“, хотя въ прежнее время и самъ онъ пользовался латинскими книгами, польскою библіей и т. п. Припомнимъ, что обвиненіе въ латинствѣ было самое злое, какое можно было сдѣлать для массы московскихъ людей: съ XI-го вѣка греки учили (и наконецъ научили) русскихъ, что латинство есть самая худшая ересь, что латинское равносильно поганому; теперь въ этомъ латинствѣ обвивали почти поголовно все духовенство той юго-западной Руси, которая только-что присоединилась къ Москвѣ. Одно чтеніе латинскихъ книгъ было уже подозрительно, и только небольшой кругъ людей въ Москвѣ понималъ, что, внѣ вопросовъ богословія, латинскія (и частію польскія) книги были пока единственнымъ доступнымъ тогда средствомъ науки и образованія. Таковъ, между прочимъ, былъ кругъ людей, примыкавшихъ къ царевнѣ Софьѣ и ея любимцу князю В. В. Голицыну. Медвѣдевъ, повидимому, пользовался здѣсь благосклонностью: онъ подносилъ царевнѣ свои книги; къ нему обращались, когда требовалась почему-либо латинская ученость.

Мы не будемъ передавать подробностей этой богословской полемики, которая была вмѣстѣ отраженіемъ борьбы общественныхъ настроеній и политическихъ партій. Принявъ это въ соображеніе, мы поймемъ, почему въ этой полемикѣ приняли живѣйшій интересъ всѣ слои московскаго общества, почему московская полемика тотчасъ же отозвалась и въ Малороссіи. „Манна“ Медвѣдева была послана въ Кіевъ и къ гетману малороссійскому Мазепѣ; въ Кіевѣ находили, что Медвѣдевъ „правду пишетъ, а греки—ложь“; кіевскіе духовные готовы подтвердить эту правду Медвѣдева и даже „умирати готовы“; ученый кирилловскій игуменъ, Иннокентій Монастырскій, пишетъ книгу въ защиту Медвѣдева и противъ Лихудовъ,—такъ какъ въ московскомъ спорѣ затронуто было и православіе юго-западной церкви. Въ самой Москвѣ богословскій споръ сталъ предметомъ всеобщихъ толковъ даже среди народа, и вполнѣдствіи, когда Медвѣдевъ былъ уже

осужденъ, патріархъ Іоакимъ въ своемъ „поучательномъ словѣ“ даетъ картину этого всеобщаго возбужденія:

„Нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, въ послѣднія времена сія, въ няже концы вѣковъ достигоша, освоєволишася нѣдѣи челоувѣковъ, пастырей своихъ не слушающе и закона божественнаго не храняще и страхъ Божій отринувше, не суще священніи, не внемлюще кійждо своему чину, въ немже отъ Бога или отъ царя вчинишася, начаша дерзати о тайнствѣ тайнствъ, священнѣй евхаристіи, разглаголствовати и испытovati, и о томъ вся вездѣ бесѣдовати и вѣщати и другъ со другомъ любопрѣтися, овъ глаголя сице, онъ же сице, не вѣдуще не токмо тайныхъ и сокровенныхъ, но ниже явленныхъ божественными писаніи нуждныхъ ко спасенію ихъ. И не токмо мужіе, но и жены и дѣтици испытнословятъ, имже не токмо о такихъ страшнѣйшихъ вещехъ испытovati или просто и яко прилучися разглаголствовати, но ниже отъявленно и народно въ церквехъ прочитаемыхъ и проповѣдуемыхъ словесъ повелѣся имъ, женамъ, бесѣдовати, но въ домѣхъ своя мужи, и токмо, вопрошати, со иными же челоувѣцы, кромѣ своихъ мужей, и о тѣхъ вещехъ, явленно, яко не вопрошати, ниже разглаголствовати, но своему дѣлу внимати.

„Въ плача достойное же время сіе, поущеніемъ Божиимъ, поущеніемъ же душегубца врага діавола, вездѣ съ другъ другомъ, въ схожденіихъ, въ собесѣдованіихъ, на пиршествѣхъ, на торжищахъ, и гдѣ любо случится кто другъ со другомъ, въ явовомъ любо мѣстѣ, временно и безвременно, у мужей и жепъ то и слово о тайнствахъ, и о дѣйствѣ и совершеніи ихъ, наипаче же о тайнствѣ тайнствъ (идѣже и ангели принцати трепещуть), пресвятѣйшей евхаристіи, како пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, и въ кое время, и кими словесы (еже и священніи сами, на сіе уставленніи, иже суть и икономи или строители тайнъ, имже подобаєтъ вся извѣстно вѣдати, не вси тонкочастно вѣдятъ: обаче благодать Божія и чрезъ невѣдящія дѣйствуетъ). И отъ таковаго не лѣпаго и не подобающаго совершенія и испытнословія и любопрѣнія прозябоша свары и распри, вражды и ересь хлѣбопоклонная, яже первѣе прозвниче у латинъ, отступниковъ отъ восточнаго благочестія“¹⁾.

Объ стороны осыпали другъ друга обличеніями и церков-

¹⁾ Остенъ, стр. 114—116. Упомянутая здѣсь „хлѣбопоклонная ересь“ введена была у насъ прежде всего на Симеона Полоцкаго.

ными ругательствами; отъ обѣихъ сторонъ ходили обличительныя „тетради“ и писались цѣлыя книги. Такъ противъ Лихудовъ направлено было безымянное „Обличеніе на новопотаенныхъ волковъ¹⁾, ходящихъ въ одеждахъ овчихъ, кои... по истинѣ поборателей называютъ латынниками, варварами, уніатами, псами“ и проч., наполненное цѣлымъ градомъ ругательствъ противъ иноземцевъ, которые бранятъ православныхъ еретиками, псами, звѣрьми и поносятъ ихъ всячески за то, что „Богъ въ московскомъ нашемъ государствѣ не благословилъ быть школьному ученію“; но сами эти люди (Лихуды)—„новые прелестники (обманщики), бѣшенныя собаки, темнообразные иноземцы, съ лукавыми своими учениками, лютые звѣри, съверные нетопыри, слѣпныя совы, нечистыя души, окаянныя челобѣки, новые Каины, вторые Іуды, плотные (плотскіе) демоны, прелестные змѣеве, церковные всѣмъ вѣдомые тати“ и т. д.²⁾ Лихуды выставляли авторомъ этого сочиненія Медвѣдева: это было несправедливо и въ послѣдствіи самъ патріархъ Іоакимъ называлъ эту тетрадь „особнѣ отъ кого-либо написанной“;—справедливо замѣчаютъ, что Медвѣдевъ вообще отличался сдержанностью и что только на основаніи этого сочиненія приписывалась ему буйность, которой не было въ его характерѣ... Въ послѣдствіи, когда его судьба уже совершилась, его продолжали преслѣдовать обличеніями: противъ него направленъ былъ „Остенъ“, который приписывался прежде патріарху Іоакиму, но составленъ былъ по всей вѣроятности монахомъ Евѣиміемъ; позднѣе, обличенія повторены въ „Щитѣ вѣры“, который былъ составленъ Аѳанасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, и пр.

Изъ сочиненій, относящихся къ этой полемикѣ, намъ остается упомянуть еще послѣдній трудъ Медвѣдева: „Извѣстіе истинное православнымъ“³⁾. Сочиненіе распадается на двѣ части. Въ пер-

¹⁾ Игра словъ на имя Лихудовъ.

²⁾ Шляпкинъ, стр. 155.

³⁾ Полное заглавіе: „Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлобо о новомъ правленіи въ московскомъ царствіи книгъ древнихъ. И чего ради оно начася, и како и съ коихъ книгъ правити на соборѣхъ поставивша и съ оныхъ ли правиша.—И чесо ради частое въ новоисправныхъ книгахъ сотворися премѣненіе, и тѣмъ народъ возмутися, и многообразныя разности въ вѣрѣ явившася, и мнози людіе погибоша и погибають.—И краткое изъясненіе о нововывъзжихъ иноземцевъ, и ихъ о неправомъ о пресуещствленіи и лестномъ на смущеніе правовѣрнымъ явсаніи. Написася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, Спасскаго монастыря, иже за вконнымъ рядомъ, строителемъ, а печатнаго двора справщикомъ монахомъ Свѣвѣстромъ Медвѣдевымъ лѣта 7197-го мѣсяца септевріа“ (Какъ выше упомянуто, это сочиненіе издано г. Бѣдокуровымъ въ „Чтеніяхъ“ 1885).

вой, меньшей, онъ говорить объ исправленіи книгъ при Никонѣ и послѣ него. Никоновское исправленіе онъ считаетъ неудовлетворительнымъ: рѣшено было тогда, что книги слѣдуетъ править по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ, а между тѣмъ „та книга Службникъ ¹⁾ правлена не съ древнихъ греческихъ рукописьменныхъ и славянскихъ, но снова у нѣмецъ печатной греческой безсвидѣтельствованной книги, у нея же и начала нѣсть и гдѣ печатана, невѣдомо“; черезъ много лѣтъ по указу государя, „ради достовѣрнаго книжнаго свидѣтельства и справки“, разсматривалъ эту у нѣмецъ печатную книгу на московскомъ печатномъ дворѣ афонскій архимандритъ Діонисій и, разсмотрѣвъ ее, написалъ своей рукой на страницахъ „на обличеніе тоя неправыя книги словеса бранныя, здѣ писати неприличныя; а та книга и нынѣ обрѣтается въ книгохранительницѣ на печатномъ дворѣ“ ²⁾. Медвѣдевъ находилъ ошибки и въ позднѣйшихъ исправленіяхъ, дѣланныхъ врагомъ его, инокъ Еввоиміемъ, при патріархѣ Іоакимѣ, при чемъ и самъ патріархъ дѣлалъ разныя ошибки; а въ настоящее время, — говоритъ Медвѣдевъ, — нѣкоторые духовные дошли до такого безумія, что считаютъ неправыми и древнія славянскія харатейныя книги, которыя на многихъ соборахъ были признаны сходными съ древними греческими рукописями. А если спросить, отъ кого они знаютъ, что неправы эти книги, — обличающія ихъ неправое мудрствованіе, — они отвѣчаютъ, что знаютъ это отъ новыхъ ученыхъ грековъ Лихудовъ, и Медвѣдевъ переходитъ къ второй части сочиненія, къ разсказу о Лихудахъ и къ опроверженію ихъ ученія о пресуществленіи. Медвѣдевъ объясняетъ, что Лихуды выдаютъ простую проѣзжую грамоту (выданную имъ отъ патріарховъ александрійскаго и іерусалимскаго и бывшаго константинопольскаго) за *порученіе* патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго ѣхать въ Москву по указу государя; между тѣмъ эти патріархи вовсе не писали ни къ царю, ни къ московскому патріарху, а подписи патріарха антиохійскаго и совсѣмъ нѣтъ на ихъ проѣзжей грамотѣ: „и того ради явѣ, яко они (Лихуды), хотяще здѣ народъ православный прелстити и въ вѣрѣ нашей православнѣй смущеніе сотворити, то солгаша“. И если они лгутъ въ своихъ словахъ и писаніяхъ, то можно подозрѣвать,

¹⁾ 1655 года.

²⁾ Эта книга (венеціанское изданіе Евхологія 1602 года) сохранилась донныи въ московской синодальной типографской бібліотекѣ и бранныя словеса афонскаго архимандрита, дѣйствительно не совсѣмъ печатныя, приведены г. Вѣлюковымъ въ приложеніи, стр. 85—87.

что они „не суть православніи, но отъ еретиковъ люторовъ или калвиновъ или отъ римлянъ на возмущеніе нашея православныя вѣры подосланы, яко же прежде Исидоръ митрополить“. Такъ какъ въ ихъ проѣзжей грамотѣ написано, что они, ходя и „созерцаа“ по разнымъ странамъ, ищуть, гдѣ возможно, ученіемъ найти себѣ пропитаніе, то возможно и другое опасеніе: „подъ тѣмъ тѣхъ иноземцовъ злоковарствомъ о дабы хитрость нѣкая турецкая не была скрыта“. Какъ увидимъ дальше, въ способѣ дѣйствій Лихудовъ не было недостатка въ ивтригѣ (о чемъ стали потомъ предупреждать и восточные патріархи) и Медвѣдевъ вѣроятно искренно считалъ возможнымъ подозрѣвать въ нихъ лжецовъ и даже соглядатаевъ. Точно также онъ, безъ сомнѣнія, былъ убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія о томъ богословскомъ вопросѣ, который былъ теперь предметомъ ожесточеннаго спора. Онъ указываетъ, что они неправильно дѣлаютъ цитаты изъ отеческихъ писаній и самъ приводитъ многочисленныя свидѣтельства изъ отцовъ церкви въ защиту своего мнѣнія. Онъ удивляется, что несмотря даже на то, что Лихуды „поносятъ въ лицо“ нашихъ духовныхъ (они осуждали церковный уставъ, печатанный при патріархѣ Іоакимѣ), называютъ ихъ неразумными и незнающими, наши духовные ихъ любятъ и готовы за нихъ положить свою душу; а эти нововыѣзжіе иноземцы—волки въ овчемъ одѣяніи. „И зѣло есть удивительно, яко камо они хошуть, тамо духовныхъ нашихъ по своей воли и обращаютъ, и Богъ вѣсть до чесого ти нарицающіися греки духовныхъ нашихъ приведутъ. Велии есть опасно, дабы они своею лукавообразною хитростію нашея православныя вѣры прежде смутя, а потомъ во ину каковую вѣру не превратили“. Такіе люди не могутъ терпѣть народной тишины, „но между онымъ повымъ проповѣданіемъ творятъ ненависти другъ друга, распри, раздоры, свары, пестроеніе, мятежи, и всяку злую вещь“. Какъ будто съ неяснымъ предчувствіемъ Медвѣдевъ жалуется, что наши духовные такъ довѣряются этимъ, иноземцамъ,— „а истинну имъ о тѣхъ прелестникахъ православныхъ христіанъ весьма не любятъ и всяко тцатся ихъ (т.-е. говорящихъ эту истину, какъ онъ, Медвѣдевъ) за тѣхъ иноземцовъ безъ всякія правды, како либо вибуди смерти или злолотому заточенію предати“. Это заточеніе и смерть и привелось потомъ понести Медвѣдеву.

„Наши духовные“, которые до такой степени предались Лихудамъ, прежде всего означали самого патріарха Іоакима, и если уже раньше патріархъ не былъ расположенъ къ Медвѣдеву, то это личное осужденіе должно было окончательно возстановить

его противъ Медвѣдева, на котораго онъ смотрѣлъ глазами Лихудовъ и монаха Евѳимія. Въ вопросѣ о пресуществленіи Медвѣдевъ именно считалъ себя защитникомъ православія отъ подозрительныхъ иноземцевъ, вносившихъ смуту... Нельзя, кажется, думать, чтобы въ то время этотъ вопросъ былъ категорически ясенъ: мы упоминали, что латинскія мнѣнія издавна появлялись въ „литовскихъ“ и кievскихъ книгахъ, которыя официально принимались и въ Москвѣ; замѣчаютъ, что этотъ Евѳимій, который являлся теперь такимъ фанатическимъ врагомъ Медвѣдева, въ прежнее время самъ приписывалъ пресуществленіе словамъ Спасителя и только впоследствии исправилъ свое мнѣніе; быть можетъ даже патріархъ Іоакимъ не вполне точно понималъ подробности вопроса; по разсказу одного современника митрополитъ казанскій Адріанъ (впоследствии патріархъ) не приставалъ въ это время къ православному мнѣнію и только „лице являлъ“ патріарху Іоакиму, — Адріанъ будто бы говорилъ, что патріархъ Іоакимъ не радъ былъ, что въ такое дѣло вступилъ, и много разъ сквозь слезы жаловался на Евѳимія справщика, что его „на то подбилъ, уже де мене не на одно и прежде сего подбивалъ, и я де настрадался“ ¹⁾.

Послѣднее столкновение съ представителями „греческаго ученія“, во главѣ котораго стоялъ самъ патріархъ, повидимому стало роковымъ для Медвѣдева. Къ вопросу церковному присоединился вопросъ политической. Послѣдователи „латинской части“ находили покровительство у царевны Софьи и у князя В. В. Голицына; патріархъ относился къ обоимъ весьма враждебно. Еще въ 1682 году, когда шелъ вопросъ о единовластіи, Іоакимъ стоялъ противъ царевны; въ житіи его упоминается, что однажды патріархъ, недовольный вмѣшательствомъ царевны Софьи въ защиту какихъ-то его враговъ, даже отлучилъ ее отъ причастія ²⁾. Въ 1685 году въ Москвѣ желали передать восточнымъ патріархамъ просьбу о разрѣшеніи царевнѣ Софьѣ носить корону и управлять дѣлами. Дѣлалось это очень осторожно. Князь Голицынъ просилъ посланца патріарховъ, архимандрита Исаію, зайти къ нему передъ отъѣздомъ, чтобы передать порученіе царевны къ патріархамъ. Исаія сообщилъ это Іоакиму: послѣдній уговаривалъ Исаію не дѣлать это и сказалъ впередъ, въ чемъ должно было состоять порученіе. Голицынъ, отпуская Исаію (ничего ему не сказавшаго о предубрежденіяхъ Іоакима), велѣлъ ему спросить объ этомъ порученіи

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 164—168.

²⁾ „Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха московскаго Іоакима“. Спб., 1879 (изд. Общ. любителей древней письменности), стр. 64.

уже близъ границы у сѣвскаго воеводы; воевода дѣйствительно сказалъ ему то самое, о чемъ предупреждалъ Іоакимъ, и когда Ісаія замѣтилъ, что объ этомъ дѣлѣ надо бы спросить у московскаго патріарха и сначала получить его благословеніе, тогда воевода отвѣчалъ: „отъ сего нашего патріарха ни благословенія, ни клятвы не ищемъ... плюнь на него!“ Подъ конецъ отношенія были прямо враждебны, какъ и всѣ понятія были различны. Патріархъ ненавидѣлъ иноземцевъ и еще въ правленіе царевны Софьи во время крымскихъ походовъ онъ просилъ и молилъ не допускать въ войско никакихъ иноземцевъ и еретиковъ, особенно начальниками, — „и мене, — говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи, — благородная государыня царевна Софія Алексѣевна въ томъ послушати тогда не изволила“; не послушалъ и князь Голицынъ¹⁾, который, напротивъ, весьма благоволилъ къ иноземцамъ и къ европейскому образованію; его особенно обвиняли въ томъ, что онъ пустилъ въ самую Москву іезуитовъ, хотя въ то же время онъ былъ благосклоненъ и къ протестантамъ и открылъ въ Россію доступъ изгнанникамъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Подъ конецъ князь Голицынъ говорилъ съ своими довѣренными людьми о „патріаршей дурусти“... Всѣ эти столкновенія отразились на Медвѣдевѣ прежде всего тѣмъ, что съ сентября 1688 г. онъ былъ устраненъ отъ должности справщика на печатномъ дворѣ. Онъ самъ и другіе ему сочувствующіе опасались, чтобы патріархъ не сдѣлалъ надъ нимъ чего-нибудь, не сослалъ его тайно; одинъ изъ его друзей, стрѣлецкій начальникъ Стрижевъ, — впоследствии замѣшанный въ дѣлѣ Шакловитаго, — съ пасхи 1689 ставилъ на караулъ къ кельѣ Медвѣдева отъ пяти до десяти человекъ стрѣльцовъ для защиты его отъ патріарха: стрѣльцамъ приказано было, что если придутъ за Медвѣдевымъ отъ патріарха, не отдавать его и говорить, что за нимъ есть государево дѣло. Противная сторона, какъ увидимъ, утверждала потомъ, будто бы Медвѣдевъ покушался даже на жизнь патріарха. Наконецъ дѣло приняло роковой для Медвѣдева оборотъ, когда открылся заговоръ Шакловитаго; къ розыску былъ привлеченъ и Медвѣдевъ. Розыскъ начался въ первыхъ числахъ августа 1689 года; до конца этого мѣсяца Медвѣдевъ еще жилъ въ Москвѣ, а потомъ, опасаясь, чтобы патріархъ не взвелъ чего-нибудь на него, тайно уѣхалъ изъ Москвы и скрывался въ одномъ монастырѣ у знакомаго игумена въ дорогобужскомъ уѣздѣ: по словамъ Медвѣдева, онъ хотѣлъ остаться здѣсь до окончанія дѣла Шакловитаго; но, по

¹⁾ Тамъ же, стр. 182.

словамъ его келейника, онъ хотѣлъ ѣхать изъ этого монастыря къ „смоленской шляхтѣ“. Въ половинѣ сентября онъ былъ розысканъ и подъ конвоемъ отправленъ въ Троицкій монастырь, гдѣ жилъ тогда Петръ и гдѣ шло уже розыскное дѣло о Шакловитомъ. Здѣсь онъ прежде всего „липенъ былъ образа (иноческаго) и именования: изъ Сильвестра Медвѣдева сталъ Сенка Медвѣдь“ и 24-го сентября былъ подвергнутъ допросу, потомъ былъ допрашиваемъ снова, при помощи пытки... Шакловитый былъ казненъ еще 12-го сентября, когда Медвѣдева еще не было въ Москвѣ; слѣдствіе о другихъ лицахъ, замѣшанныхъ въ его дѣлѣ, тянулось еще около мѣсяца. Патриархъ Іоакимъ принялъ дѣятельное участіе въ розыскѣ: онъ велѣлъ отобрать письма Медвѣдева на русскомъ и другихъ языкахъ въ его кельѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, переслать къ нему или пересмотрѣть, и „которыя писма явятся приличныя ко обличенію воровства и злоначивательства Медвѣдева или какія отъ него къ кому такія же и отъ кого къ нему явятся писма, отобрать и прислать къ нему патриарху“. Приговоръ о Медвѣдевѣ послѣдовалъ 5-го октября 1689 года: „за воровство и измѣпу и за возмущеніе къ бунту Сенку Медвѣдева велѣно казнить смѣртію“. Но приговоръ исполненъ былъ еще не скоро: Медвѣдевъ „до пролитія крови былъ отданъ въ вѣчное хранило“, т.-е. подѣ стражу въ Троицкомъ монастырѣ; онъ былъ подвергнутъ еще церковному суду за свое ученіе о пресуществленіи. Къ нему присланы были одинъ архимандритъ, игуменъ и Софроній Лихудъ для убѣжденія въ неправотѣ его мнѣній; Медвѣдевъ долженъ былъ сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и, какъ говорятъ, написалъ покаянное отреченіе, которое было прочитано въ собраніи архіереевъ и московскаго духовенства, въ крестовой палатѣ патриарха.

Сохранилось соборное постановленіе, въ которомъ Медвѣдевъ условно разрѣшается отъ церковнаго отлученія, если истинно покается: осуждена была его книга „Манна“, осуждена книга упомянутаго Иннокентія Монастырскаго. „Потомъ имѣемъ Сенку Медвѣдева, яко оглашеннаго, опредѣляемъ же ему время внѣ церкви стояти... лѣтъ ¹⁾, и своя хулы обличати всякому входящему и исходящему, и молити я, да молятся о немъ, еже проститися ему хуламъ его. По семъ съ вѣрными стояти въ церкви, общенія же не пріимати лѣтъ..., да не токмо словеса, но и дѣлы истинное покаяніе покажетъ“. Ему велѣно было жить неисходно въ монастырѣ до его смерти, но никакъ не въ царствующемъ градѣ

¹⁾ Оставленъ пробѣлъ для обозначенія цифры.

Москвѣ, „идѣже крамола и мятежы творяше и ереси всѣваше, ниже въ близостранныхъ градѣхъ и монастырѣхъ... да не како иное нѣкое зло, крамола и вредъ, на церковь или и на царство, отъ него произникнетъ и будутъ послѣдняя горша первыхъ“; въ монастырѣ ему жить подѣ крѣпкимъ началомъ у самаго искуснѣйшаго и твердѣйшаго мужа, „въ молитвахъ и постѣхъ, въ смиреніи и трудѣхъ, яковыхъ можно, пребывати; съ иными же челоувѣки сходитися ему особно и разглаголствовати ничто же велѣти, бумаги и чернилъ отнюдѣ не давати“¹⁾. Не ясно, почему Медвѣдевъ былъ потомъ еще разѣ подвергнутъ пыткѣ огнемъ и другими истязаніями²⁾ и казненъ (по тогдашнему церковно-приказному выраженію, „лавоотсѣченъ“) 11-го февраля 1691 года.

Трудно сказать, насколько Медвѣдевъ былъ дѣйствительно замѣпанъ въ заговорѣ Шаковитаго или же его гибель была навлечена только тѣмъ озлобленіемъ, какое имѣли противъ него его церковные враги. По самому розыскному дѣлу неясны самыя отношенія его къ Шаковитому. Послѣдній былъ довѣренное лицо у царевны Софьи и князя В. В. Голицына; Медвѣдевъ былъ извѣстенъ самой правительницѣ, какъ челоувѣкъ ученый, и къ нему естественно обращались, когда нужно было его ученое содѣйствіе. Единственный опредѣленный фактъ, гдѣ выразилось такое содѣйствіе, было то, что Медвѣдевъ сочинилъ латинскія надписи къ гравированному портрету царевны Софьи, гдѣ она была изображена въ царскомъ вѣнцѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ; Шаковитый бывалъ у него и иногда они говорили между собою тайно, высылая келейника, но такая осторожность нужна была бы и для разговора, напр., объ этихъ подписяхъ на портретѣ. Мало вѣроятія, чтобы Медвѣдевъ раздѣлялъ самыя замыслы Шаковитаго противъ Петра: если, какъ извѣстно, эти замыслы не нашли отголоска даже въ средѣ самихъ стрѣльцовъ, если они отказывались идти за нимъ и даже прямо переходили на сторону Петра,—а это были люди достаточно необузданные,—то трудно представить, чтобы такіе замыслы могъ дѣлать монахъ, занятый, какъ видно изъ всѣхъ его писаній, только книжными богословскими интересами. Онъ рѣшался возставать противъ своихъ богословскихъ враговъ, любимцевъ патріарха, осуждалъ пись-

¹⁾ Акты Историческіе, т. V, стр. 337—341; у Шляпкина выписки изъ этого соборнаго постановленія сдѣланы по рукописи Академіи наукъ, стр. 209—210.

²⁾ „Сенка наки по градскому закону огнемъ и бичьми и прочими испытаніи истязанъ и объявися зломысливъ и съ волхвами и чародѣи содружествовавъ и совопрошався гадательства о себѣ превеликая и превысокая“,—изъ синодальной рукописи, у Шляпкина, стр. 210.

менно самого Іоакима въ „Извѣстіи истинномъ“, и дѣлалъ это открыто ¹⁾, но здѣсь онъ высказывалъ свои искреннія богословскія убѣжденія, вѣрилъ, что охраняетъ этимъ православіе отъ сомнительныхъ иноземцевъ (патріарха онъ считалъ человекомъ мало ученымъ) и его полемика свидѣтельствовала объ его смѣлости въ защитѣ своего убѣжденія, но не имѣла никакого отношенія къ тогдашней политикѣ. Обвиненіе его въ замыслѣ противъ жизни патріарха есть, безъ сомнѣнія, одна изъ тѣхъ нелѣпостей, какія выдумываются въ пылу вражды въ смутныя времена. На допросахъ онъ не призналъ за собой участія въ преступныхъ замыслахъ Шакловитаго и, напротивъ, было удостовѣрено, что Медвѣдевъ отговаривалъ знакомыхъ стрѣльцовъ, которые приходили къ нему за совѣтомъ, и при этомъ даже посторонніе люди говорили въ защиту его то, чего не говорилъ онъ самъ.

Замѣтимъ при этомъ, что Медвѣдевъ, какъ извѣстно, самъ былъ историкомъ перваго стрѣльческаго бунта 1682 года ²⁾. Его исторія, фактичѣская какъ лѣтопись, не оставляетъ однако сомнѣнія въ его отвращеніи къ грубому насилію, а также отвращеніи къ расколу, какое отличало его учителя. Очень возможно, что то же настроеніе было у него и теперь, и насколько можно угадывать его характеръ по немногихъ личнымъ свѣденіямъ, онъ едва-ли могъ быть политическимъ заговорщикомъ. На допросахъ ³⁾ Медвѣдевъ рѣшительно отвергалъ обвиненіе въ какихъ-либо замыслахъ на „государское здоровье“ или на возмущеніе церкви, и утверждалъ, что „Оедка Шакловитой о государскомъ здоровьѣ и о убивствѣ никакихъ словъ ему не говаривалъ“; о замыслахъ Шакловитаго противъ Льва Нарышкина и князя Бориса Голицына и другихъ говорилъ ему стрѣлецъ, пятисотный Маріонъ, котораго съ товарищами подбивалъ на это Шакловитый,

¹⁾ По тогдашнему, рукопись, которая могла переходить изъ рукъ въ руки, была уже извѣстной публикаціей сочиненія: въ рукописяхъ шла въ Москвѣ вся тогдашняя полемика.

²⁾ Записки его были изданы въ первый разъ О. Туманскимъ въ „Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣланіяхъ государя императора Петра Великаго“. Спб. 1787—1788, ч. VI, но не полно и не точно; потомъ у Сахарова, „Записки русскихъ людей“. Спб. 1841. VIII и 94 стр. (самыя записки Медвѣдева стр. 1—48); но изданіе Сахарова также не исправно или, можетъ быть, сочиненіе Медвѣдева осталось недоконченнымъ. Ср. Устрялова, Ист. царствования Петра В., I, стр. LIII; въ „Розыскныхъ дѣлахъ“ о Шакловитомъ. I, столб. 630, 637.

³⁾ Розыскныя дѣла о Оедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изданіе Археогр. комиссіи. Т. I. Спб. 1884, столб. 505—842. Обстоятельный разборъ этихъ дѣлъ у Е. Вѣлова: „Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка“, въ Журн. мин. просв., 1887, январь, февраль.

и Медвѣдевъ сказалъ Ларіону: „есть ли де вы такъ сдѣлаете, пропадете и съ Ѳеодоромъ здѣсь и въ вѣчное душамъ“, и хотя бы стрѣльцы сказали эти слова его Шакловитому, онъ, Медвѣдевъ, „ему и въ лицо тожъ скажетъ“. Это же говорилъ Медвѣдевъ и товарищамъ Ларіона, и они Шакловитому „отказали и того дѣлать не стали“; послѣ Ларіонъ „многожды“ говорилъ Медвѣдеву: „еслибъ де онъ ихъ не укрѣпиль, и имъ де было то сдѣлать“ (т.-е. они бы это сдѣлали). Самъ Шакловитый „двожды, въ разныхъ числахъ“, говорилъ Медвѣдеву о томъ, что еслибъ не было царицы Натальи Кирилловны и боярина Льва Кирилловича Нарышкина, то у царя Петра Алексѣевича было бы съ царевной Софьей „совѣтно“; на это Медвѣдевъ отвѣчалъ, что „кто кому чего желаетъ, тотъ и самъ отъ Бога то приметъ“. Другіе разговоры съ Шакловитымъ были у него только о „рацеяхъ“ — такъ называлъ Медвѣдевъ налписи на портретѣ царевны Софьи и латинскія вирши. Замыслы противъ патріарха онъ рѣшительно отвергалъ: „на святѣйшаго-де патріарха умыслу никакого у него не бывало, и ни отъ кого, чтобъ его убить или перемѣнить, не слыхалъ“. Церкви святой онъ „никакимъ смущеніемъ не смущалъ“, книгу „Манну“ написалъ по указу благовѣрной государыни царевны Софьи, и поэтому онъ не докладывалъ о ней патріарху. Стрѣлецкій караулъ стоялъ у него для того, чтобъ святѣйшій патріархъ тайно его не сослалъ. Изъ Москвы онъ побѣждалъ изъ страха святѣйшаго патріарха: „опасался того, что святѣйшій патріархъ такъ же бы великому государю на него какихъ словъ не принесъ“... Но пѣвчій Лаврентій показалъ, что Медвѣдевъ говорилъ ему: „бѣжить-де онъ для того, вѣдая государской гнѣвъ, что написаць съ Ѳедкою Шакловитымъ вмѣстѣ“. Другіе близкіе къ нему люди приводили слова Медвѣдева, что патріархъ гнѣвенъ на него за книгу о пресуществленіи, что Медвѣдевъ называлъ „бѣшенными“ стрѣльцовъ, начинавшихъ безпорядки, и осуждалъ ихъ; что никакихъ замысловъ Медвѣдева на государственное здоровье и противъ патріарха не слыхали и т. д.

Показанія Медвѣдева представляются вообще правдивыми: весьма вѣроятно, что онъ отговаривалъ стрѣльцовъ, потому что они дѣйствительно „отказали“ Шакловитому; что онъ имѣлъ основаніе бояться патріарха, можно видѣть изъ самыхъ дѣйствій Іоакима; какое-либо фактическое участіе въ замыслахъ Шакловитаго не обнаруживается ничѣмъ; что Шакловитый бывалъ у него, объясняется благосклонностью къ Медвѣдеву царевны Софьи и, по показанію пѣвчаго Лаврентія, къ Медвѣдеву „пріѣзживали¹ многіе знатныя люди и гостиныя сотни“, и стрѣльцы многіе прихаживали,

„а разговоры у нихъ бывали о словахъ Христовыхъ“ (вѣроятно о пресущественіи). Нельзя не обратить вниманія на то, что въ „пыточныхъ рѣчахъ“ ¹⁾ Медвѣдевъ вездѣ „сказаль прежнія свои рѣчи“: со стрѣльцами онъ говорилъ „для того, чтобъ тому дѣлу не быть и чтобъ то дѣло разорить“, что у него самого „умыслу никакого не бывало“; о патріархѣ (какъ доносилъ на него старецъ Арсеній) онъ подтвердилъ, что патріархъ „учился мало и богословскихъ рѣчей не знаетъ“. Новѣйшіе историки приходятъ къ заключенію, что во всемъ процессѣ „о правдѣ никто и не думалъ; слѣдователи очень хорошо знали, что правда, что нѣтъ; но въ ихъ планѣ и не входило оправдывать Медвѣдева, другими словами — огорчить патріарха Іоакима, оказавшаго столь большія услуги сторонѣ Натальи Кирилловны и ея сына“ ²⁾.

Какъ потомъ жилъ Медвѣдевъ въ „хранилѣ“, опять ничего неизвѣстно. Одному изъ историковъ Медвѣдева кажется нѣсколько сомнительнымъ разсказъ о томъ, какъ Медвѣдевъ написалъ покаянное писаніе о своихъ заблужденіяхъ, самъ читаль его въ церкви и просилъ передать его патріарху; замѣчаетъ, что подлинное покаяніе, хранящееся въ синодальной бібліотекѣ, Медвѣдевымъ не подписано, хотя есть подпись его приверженца, попа Саввы Долгаго ³⁾. Въ упомянутомъ соборномъ постановленіи приведенъ длинный рядъ проклятій на случай, „аще Сенка Медвѣдевъ приносить пылѣ покаяніе невседушно, но нѣкакѣ ухищренно или по нѣкосму лукавству, или срама ради и страха человѣческаго, или иного ради нѣкоего случая, хотя искусити Духъ Господень“. Послѣ историческаго воспоминанія объ еретикѣ Аріи, о русскихъ еретикахъ прежнихъ временъ, на голову Медвѣдева призываются всевозможныя проклятія. Приводимъ ихъ, потому что само чрезмерное количество ихъ, очевидно, должно отражать собой озлобленіе патріарха на несчастнаго „Сенку“: „Да будутъ дни его мали и зли, и молитва его да будетъ въ грѣхъ, и діаволь

¹⁾ Розыскныя дѣла, столб. 629—632; ср. дальше статейный списокъ, столбцы 671 и слѣд.

²⁾ Бѣловъ, „Московскія смуты“, въ Журн. мин. проsv. 1887, февраль, стр. 317—348; въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ говоритъ прямо: „дѣло Медвѣдева всею тяжестью неправды лежитъ на памяти патріарха Іоакима; личная ненависть къ Медвѣдеву заглушила въ немъ всякое понятіе о справедливости“ (стр. 361). Ср., кроме прежнихъ, неполныхъ и одностороннихъ свѣдѣній у Устрялова (ист. царств. Петра В., т. I), разборъ процесса (еще до полнаго изданія „Розыскныхъ дѣлъ“) у Погодина, „Семнадцатъ первыхъ дѣтъ въ жизни царя Петра Великаго“, М. 1875, и раньше, у Н. Аристова, „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“ Варшава, 1871.

³⁾ Шликипъ, стр. 208.

да станетъ изъ десныхъ его, и да изыдетъ осужденъ, въ родѣ единомъ да погибнетъ имя его, и да истребится отъ земли память его, и да истнится яко прахъ предъ лицомъ вѣтра... Да придетъ на него онѣхъ богоносныхъ отецъ, ихъ же писанія развращенно писаше и глаголаше, и всѣхъ бывшихъ... архіереевъ... богоносныхъ отецвъ... патріарховъ греческихъ... всѣхъ здѣ написанныхъ имени и ненаписанныхъ, и всего архіерейскаго и іерейскаго чина, проклятство и анаѳема, не точію сугубо и трегубо, но и многугубо. Да придутъ на нь вся проклятства, ими же Моисей проклинаше іудей, непослушающія заповѣдей Господнихъ... Да будетъ ему Каиново трясеніе, Гіезіево прокаженіе, Іудино удавленіе... Симона волхва гибель... Ананіи и Сапфиры внезапное издохновеніе... И да будетъ отлученъ и анаѳематствованъ... и по смерти не прощенъ; и тѣло его да не разсыплется, въ знаменіе вѣчнаго отъ Бога отлученія, и земля его да не приметъ... И да будетъ часть его, въ гееннѣ вѣчной, со Іудю хриstopредателемъ, и со Аріемъ лжекленшимся, и... мученъ будетъ день и ночь во вѣки вѣковъ¹⁾.

Послѣ этихъ безмѣрныхъ проклятій становится вѣроятнымъ сообщеніе „Дневника“ Гордона (подъ 12 сентября), что царь Петръ Алексѣевичъ хотѣлъ даровать жизнь всѣмъ злодѣямъ и что только по убѣжденію патріарха согласился на казнь троихъ²⁾.

Когда обнаружился заговоръ Шахловитаго и Петръ бѣжалъ изъ Преображенскаго къ Троицѣ и за нимъ послѣдовали его приверженцы, иноземцы, многіе изъ самихъ стрѣльцовъ, отправился къ Троицѣ и патріархъ Іоакимъ. Повидимому, обѣ власти соединялись въ одномъ дѣлѣ; но когда Петръ имѣлъ въ виду только политическихъ враговъ, патріархъ кромѣ того и прежде всего хотѣлъ истребить „латинскую часть“, спасти православіе отъ зловредной ереси. Одержана была полная побѣда. Но исторія не оправдала ожиданій патріарха: правда, богословскій споръ былъ окончательно рѣшенъ; отъ самихъ восточныхъ патріарховъ получено было авторитетное изъясненіе вопроса, издано было нѣсколько особыхъ сочиненій по этому предмету, ученіе о пресуществленіи введено было въ архіерейскую присягу; настойчивыми требованіями и угрозами отлученія патріархъ добился въ этомъ вопросѣ

¹⁾ Акты Историч., V, стр. 340—341.

²⁾ Кромѣ Шахловитаго, казеннаго послѣ первыхъ же допросовъ, поздне были казнены трое: Обраска Петровъ, Куземка Черной и Медвѣдевъ.

покорности и малороссійской іерархіи (уже давно, какъ мы видѣли, склонной принимать латинское толкованіе этого богословскаго пункта),—но патріарху не удалось охранить благочестиваго московскаго преданія.

Патріархъ Іоакимъ умеръ вскорѣ послѣ казни Медвѣдева (17-го марта 1691). Онъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ увѣщевалъ государей „въ прародительскомъ своемъ благородномъ царскомъ достоинствѣ и самодержавствѣ“ жительствовавать „благочестиво и праведно во всякомъ изрядствѣ“, имѣть любовь къ православной церкви, держать „неколебленно“ ея преданія, быть милосерднымъ и правосуднымъ ко всякаго чина людямъ и т. д.; и въ особенности патріархъ предостерегалъ царей отъ общенія съ иноземцами и иновѣрцами: „да никако же они государи цари попустятъ кому христіаномъ православнымъ въ своей державѣ съ еретиками и иновѣрцами, съ латинны, люторы, калвины и злобными татараы, ихъ же гнушается Господь и церковь Божія съ богомерзкими прелести ихъ проклинаеть, общеніе и содружество творити, по яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ тѣхъ удалитися; да повелѣвають царскимъ своимъ указомъ, отпюдь бы иновѣрцы, пришедъ здѣ въ царство благочестивое, вѣрѣ своихъ не проповѣдовали и во укоризну о вѣрѣ не разгѣваривали ни съ кѣмъ, и обычаевъ своихъ иностранныхъ и по своимъ ихъ ересямъ на прелестъ христіаномъ не вносили бы, и сіе бы запрети имъ подъ казню на крѣпко, и молбищныхъ бы по прелестямъ ихъ соборищъ еретическихъ строити не давати мѣста“, а гдѣ есть таія между христіанскихъ домовъ и близъ ихъ, и тѣ слѣдуетъ разорить; патріархъ напоминаеть святого Павла и клятвы псалмопѣвца: „сіе явственно самъ Богъ завѣща, како со иновѣрными еретиками и злобоянниками водитися и общатися кому, и никакую дружбу подобаеть съ ними имѣти“; цѣлость государства можетъ „содержаться въ лѣнотѣ“ и быть въ угожденіи Богу, когда люди прилежатъ къ добрымъ дѣламъ; „да не навикнуть иностранныхъ обычаевъ непотребныхъ“, и люди, не утвержденные въ вѣрѣ и невѣдущіе писанія, „со иновѣрными о вѣрѣ да не глаголють и лестнаго ученія ихъ весма да не слушаютъ“. Патріархъ сокрушается, что въ русскую землю допущены иноземцы: „благодатію Божіею, въ россійскомъ царствѣ людей благочестивыхъ, въ ратоборствѣ искусныхъ и знающихъ о полковыхъ строяхъ, зѣло много“; апостоль Павелъ посрамлялъ коринѳяны, когда они судились передъ иновѣрцами, а это и у насъ дѣлается; иновѣрцы же, „аще и прежде сего... въ полкахъ россійскихъ и въ нашей памяти быша, гдѣ пользы отъ нихъ сотворишася, мало явиѣ, бо они — враги

Богу и пресвятѣй Богородицѣ, и намъ христіаномъ и церкви святѣй, ибо вси христіане православніи наипаче за вѣру и за церковь Божию, нежели за отечество и дома своя во усердіе души своя полагають на бранѣхъ въ полкахъ, пикако же щадяще жизни своей, еретики же, будуще начальники, о томъ ни мало радятъ "... Патріархъ молить царей сохранить этотъ завѣтъ, и тогда милость Божія будетъ съ ними, и Господь Богъ будетъ имъ „крѣпкій покровъ отъ всѣхъ золь, и непреоборимая стѣна— пресвятая Дѣва Богородица Марія“¹⁾. Патріархъ и еще разъ, въ концѣ своего завѣщанія, возвращается къ этому предмету. „И паки воспоминаю, еже бы иновѣрцамъ еретикамъ костеловъ римскихъ, кировъ пѣмецкихъ, и татаромъ мечетей въ своемъ царствѣ и обладаніи всеконечно не давати строити нигдѣ, и новыхъ латинскихъ иностранныхъ обычаевъ и въ плати премѣнъ по ивоземски не вводить“. Опъ удивляется „царскаго синклита совѣтникамъ палатнымъ и правителямъ“, которые бывали на посольствѣ въ иныхъ земляхъ и царствахъ и видали, какимъ образомъ всякое государство держитъ свой правъ и обычай, а чужого не принимаетъ, въ своихъ владѣніяхъ людямъ иныхъ вѣръ никакихъ достоинствъ не даетъ, и иноземцамъ не своей вѣры никакъ не позволяетъ строить молитвенныхъ храмовъ: въ какомъ еретическомъ царствѣ окрестномъ, какъ напримѣръ въ пѣмецкихъ, есть благочестивой напей вѣры церковь Божія, гдѣ бы христіанамъ было прибѣжище? — Нигдѣ, а здѣсь, чего и не бывало, и то еретикамъ позволяется, что они построили „мольбищные храмы своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ“, „въ которыхъ благочестивыхъ людей злобно кленуть и лають и вѣру укоряють, иконы святыхъ попирають и намъ христіаномъ ругаются и зовуть идоло- и древопоклонниками, и се не есть добро, но всячески зло“²⁾.

Передъ нами послѣдніе завѣты московскаго порядка вещей, которые уже не дождались исполненія: съ этихъ поръ дѣятельность Петра раздвигалась все шире совсѣмъ въ другомъ направленіи. Еслибы патріархъ прожилъ дольше, онъ увидѣлъ бы нѣчто гораздо худшее, чѣмъ та ересь, какую истреблялъ опъ въ лицѣ Сильвестра Медвѣдева. Онъ ужаснулся бы нарушенію благочестиваго преданія и распространенію „латинскихъ“ обычаевъ, которое возросло съ каждымъ днемъ. Патріархъ и его сподвижники стояли очевидно на той же самой точкѣ зрѣнія, на какой стояли въ этомъ отношеніи ревнители „старой вѣры“: они

¹⁾ Житіе, стр. 116—131.

²⁾ Тамъ же, стр. 136—138.

одинаково упорно держались старины XV—XVI вѣка въ то время, когда жизнь народа и государства все болѣе настойчиво требовала новыхъ средствъ просвѣщенія и практическихъ искусствъ; патріархъ и ревнители старой вѣры одинаково возставали противъ кievской учености, видя въ ней церковныя новизны, но не могли понять, что это были первые шаги науки, безъ которой не могла набронецъ совершаться жизнь народа и государства и которая нѣкогда должна была стать еще больше опасной для ихъ тѣснаго преданія; они только инстинктивно чувствовали приближеніе врага и со всѣмъ ожесточеніемъ нетерпимости возстали, одни — противъ Никона и исправленія старыхъ книгъ, другіе — противъ Полоцкого и Медвѣдева, — но уже никакая сила преданія не могла остановить надвигавшагося новаго духа времени... Ссылка патріарха на инныя государства, которыя не допускаютъ чужихъ вѣръ и обычаевъ, была фактически невѣрна: во-первыхъ, бывало много случаевъ перехода обычаевъ изъ одной страны въ другую въ самой Европѣ; отсутствіе православныхъ церквей въ другихъ государствахъ объяснялось очень просто тѣмъ, что тамъ вовсе не было русскихъ, а множество иноземцевъ, жившихъ въ Москвѣ, призваны были самою русскою властью на службу, и она не имѣла ни основанія, ни права стѣснять ихъ вѣры.

По смерти патріарха постигли неудачи и его приверженцевъ: монахъ Евѣимій уже вскорѣ былъ удаленъ отъ должности справщика — его самого винили, что отъ „приписныхъ ево Евѣимьевыхъ нововодныхъ странныхъ речей, которыя въ тѣхъ мѣсячныхъ mineахъ напечатаны, многіе люди сумнѣваются и въ церквахъ Божіихъ чинятца мятежи и великихъ государей денежной казнѣ отъ передѣлокъ убытки многіе“. Историкъ замѣчаетъ, что одно утѣшеніе оставалось Евѣимію: вдоволь изливать свое негодованіе на мертвыхъ противниковъ, что онъ и исполнялъ съ большимъ успѣхомъ¹⁾. Въ 1693 году постигли неудачи и греческихъ „самобратій“. Патріархъ іерусалимскій Досифей писалъ патріарху Адриану — въ сущности то же, что говорилъ о нихъ Сильвестръ Медвѣдевъ, что это самозванцы, что имъ не слѣдуетъ позволять „примати лица суди“, чтобы они не были въ церкви раздоромъ; въ грамотѣ самимъ Лихудамъ патріархъ писалъ, что они — „прелестники“ (обманщики), бывшіе купчины, ложно называющіе себя князьями, и т. д. Въ 1694 году упомянутый раньше Петръ Артемьевъ обличалъ Лихудовъ (по крайней мѣрѣ Іоанникія) въ дружбѣ съ латинянами и даже прямо въ латин-

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 218.

ствѣ ¹⁾. Лихуды были удалены отъ дѣлъ, какъ говорятъ, благодаря уцѣлѣвшимъ друзьямъ Медвѣдева ²⁾.

Отъ этого зрѣлища церковнаго фанатизма, вражды къ наукѣ, упрямаго застоя, нравственнаго одичанія и ожесточенія историкъ долженъ съ облегченіемъ перейти къ лицу, характеръ котораго носитъ инныя черты—мягкаго нрава, христіанскаго благодушія, усерднаго книжнаго труда не въ области злобнаго схоластическаго спора, а въ области мирной легенды, христіанскаго назиданія, а также науки, насколько она была доступна. Такова была въ общихъ чертахъ личность Даниіла Гуптала, впоследствии святого Димитрія Ростовскаго ³⁾.

Родомъ изъ козацко-малорусской шляхты, Даниіль Гуптало родился (1651) въ кievской области; въ дѣтствѣ его семья переселилась въ Кіевъ, подѣ власть московскаго царя, и здѣсь Даниіль послѣ домашняго ученія грамотѣ поступилъ въ кievо-братскую

¹⁾ М. Никольскій, Петръ Артемьевъ, въ „Прав. Обзор.“ 1863, № 3, стр. 265—266.

²⁾ Тамъ же, стр. 217. О братьяхъ Лихудахъ см. С. Смирнова, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. Москва, 1855.

— Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV. Москва, 1864.

— І. Я. Образцовъ, Братья Лихуды (эпизодъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія въ концѣ XVII столѣтія), въ Журн. мин. просв. 1867, сентябрь (въ томъ же духѣ, какъ въ статьѣ: „Кіевскіе ученые въ Великороссіи“).

— Д. Извъковъ, Poleмическая противо-протестантская дѣятельность Лихудовъ, въ „Правосл. Обзорѣніи“, 1872, т. I.

— С. Любимовъ, упоминаемая статья въ Журн. мин. просв. 1875, августъ, сентябрь.

— Марковичъ, О школахъ и просвѣщеніи въ патриаршіи періодѣ, въ Журн. мин. просв. 1878, июль.

— П. Морозовъ, Феоданъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, гл. I.

— Николевъ, Матеріалы къ біографіи Лихудовъ. Москва, 1881, и др.

³⁾ Первая біографія его написана была, по синодальному порученію, митрополитомъ ростовскимъ Арсеніемъ Мацѣвичемъ, послѣ того какъ Димитрій Ростовскій былъ причтенъ къ лику святыхъ (въ 1757, послѣ обрѣтенія его мощей нетлѣнными въ 1752). Болѣе подробныя жизнеописанія печатались при „Келейной Летописи“ (1796, и тогда же отдѣльно) и при „Собраніи сочиненій“ (2-е изд. 1805—1807).

— Митр. Евгеній, Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-росс. церкви. Изд. 2-е, Спб. 1827, т. I, стр. 116—137.

— Св. Димитрій Ростовскій. М. 1849,—какъ говорятъ, работа двухъ студентовъ моск. дух. академіи, редактированная А. В. Горскимъ.

— Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Изслѣдованіе П. А. Шляпкина. Спб. 1891,—обширное собраніе свѣдѣній, весьма цѣнное по рукописнымъ извлеченіямъ, но мало обработанное.

школу; подробности ученія неизвѣстны, но по позднѣйшимъ сочиненіямъ можно видѣть, что это была та же обычная схоластическая школа, какую проходили южно-русскіе ученые. Ректоромъ, а также преподавателемъ былъ знаменитый риторъ Іоанникій Галаатовскій. Даниилъ уже очень рано принялъ монашество (въ іюлѣ 1668 года) въ Кирилловомъ монастырѣ подлѣ Кіева: полагаютъ, что его побудило къ этому слабое здоровье, склонность къ тихой созерцательной жизни и, можетъ быть, чувство личной необезпеченности; вся дальнѣйшая жизнь Димитрія указываетъ дѣйствительно непрерывный книжный трудъ въ кельѣ, постоянный интересъ къ наукѣ и христіанскому нравоученію, уклоненіе отъ тревожной общественной дѣятельности, въ которой онъ принималъ участіе лишь по необходимости. А время было исполнено тревогъ и въ политическомъ, и въ церковномъ отношеніи. Малороссія только-что присоединилась къ Москвѣ и жила въ тѣхъ неясныхъ отношеніяхъ, когда Москва желала подвести ее подъ обычный уровень своего правленія, а Малороссія упрямо, но и съ боязнью, стремилась охранять свою особность; подобное было и въ дѣлахъ церковныхъ: малорусская церковь все еще зависѣла отъ константинопольскаго патріарха и старалась сколько возможно отдалить неминуемое подчиненіе патріарху московскому. Мы не разъ указывали ту недоувѣрчивость, какую питали въ Москвѣ къ юго-западному духовенству; недоувѣрчивость была взаимная. Нѣкоторые историки, какъ Соловьевъ, объясняли песочувствіе кіевской іерархіи къ Москвѣ честолюбіемъ владыкъ, привыкшихъ подъ номинальной властью константинопольскаго патріарха къ большой независимости и политическому вліянію; но были болѣе глубокія побужденія: въ Кіевѣ сознавали заслугу южно-русской церкви въ тяжелой вѣковой борьбѣ противъ католицизма, поэтому чувствовали за собой право извѣстной самостоятельности, а также чувствовали свое превосходство надъ Москвой въ дѣлѣ просвѣщенія. Давнее и тѣсно сосѣдство съ Польшей сообщило и самому быту южно-русскаго духовенства особыя черты, неизвѣстныя въ Москвѣ: южно-русскіе іерархи играли важную политическую роль; школа, съ отбѣнкомъ свѣтскаго знанія, сближала духовныхъ лицъ и мірянъ, какъ сближала ихъ и продолжавшаяся борьба за независимость православія; въ жизнь проникали болѣе культурныя въ извѣстныхъ отношеніяхъ польскіе обычаи, какъ въ церковныя мнѣнія проникали кое-гдѣ отголоски католической богословской схоластики. Московскіе книжники, хранившіе усердно букву преданія, замѣ-

тили въ концѣ концовъ эти уклоненія и возымѣли сомнѣнія о самомъ православіи южно-руссковъ, при чемъ показали однако и свое невѣжество въ вещахъ, составлявшихъ простой первобытный обиходъ южно-русской школы; южно-русскіе ученые не могли не видѣть этого невѣжества и не чувствовать собственнаго превосходства. Въ Москвѣ однако не могли обойтись безъ южно-руссковъ, и отсюда тѣ столкновения двухъ направлений, какими исполнена въ особенности вторая половина XVII-го вѣка. Дмитрій Туптало, безъ сомнѣнія, съ самаго начала воспитался въ этихъ представленіяхъ, былъ на сторонѣ защитниковъ самостоятельности южно-русской церкви и недолго любилъ московскихъ порядковъ и вмѣпательствъ. Въ мартѣ 1669, Дмитрій, повидимому рано обратившій на себя вниманіе своими дарованіями, получилъ первое посвященіе въ іеродіакона отъ митрополита Іосифа Тукальскаго, который не былъ признаваемъ тогда ни Польшею, ни Москвою, но былъ тѣмъ не менѣе „православія преславный ревнитель, вѣры святая восточная столпъ непоколебимый“, какъ говорилъ о немъ архимандритъ печерскій Иннокентій Гизель. Въ 1675, Дмитрій былъ посвященъ въ іеромонахи Лазаремъ Барановичемъ, въ Густынскомъ монастырѣ близъ Прилукъ, и назначенъ былъ проповѣдникомъ Барановича и поселился въ Черпиговѣ. Къ этому времени относится первый извѣстный трудъ Дмитрія (Савича, по отчеству): „Руно орошенное“, описаніе чудесъ отъ иконы Богородицы въ черпиговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ, написанное по порученію Барановича. Первое изданіе вышло въ 1680, а во второмъ, 1683, прибавлены пріветственные стихи Барановича къ Дмитрію — на *польскомъ* языкѣ. Въ 1677, Дмитрій отправился въ Литву на поклоненіе иконѣ Богородицы, писанной по преданію св. Петромъ, митрополитомъ московскимъ. Здѣсь онъ сдружился съ епископомъ бѣлорусскимъ (а также и архимандритомъ слуцкимъ) Василевичемъ, ревнителемъ православія въ западной Руси, но опять не любившимъ Москвы. Отсюда Дмитрій выѣзжалъ въ Вильну, гдѣ говорилъ проповѣди, жилъ въ Слуцкѣ, въ братскомъ монастырѣ, и въ началѣ 1679 вернулся въ Малороссію. Во время пребыванія въ Литвѣ, Дмитрій долженъ былъ еще ближе познакомиться съ польскою жизнью, языкомъ, католичествомъ, и быть можетъ, увидѣвъ шаткое положеніе православія въ Литвѣ, обратилъ свои сочувствія къ Москвѣ, которая въ ту пору страпныхъ религіозныхъ войнъ и гоненій, несмотря на грубость нравовъ и отсутствіе образованія, не представляла столь ужасныхъ явленій

истершимости, — хотя все-таки не чувствовалъ особеннаго расположенія къ московскому духовенству ¹⁾).

Вернувшись въ Малороссію, Димитрій поселился въ Батуринѣ, гдѣ могъ познакомиться съ нравами представителей московскаго правительства. Въ 1681 онъ сталъ игуменомъ макаковского, а вскорѣ потомъ батуринаго монастыря. Въ концѣ 1683, онъ покинулъ игуменство и поселился въ кіево-печерской лаврѣ. Лавра была богата; въ ней была большая бібліотека; архимандритъ, Варлаамъ Ясинскій, самъ былъ ученый человѣкъ, такъ что здѣсь было очень удобное мѣсто для книжной работы. И дѣйствительно, со слѣдующаго года Димитрій началъ здѣсь свой многолѣтній монументальный трудъ, который остается до сихъ поръ любимой книгой для благочестивыхъ читателей. Это были знаменитыя Четы-Минеи. Мысль о составленіи житій святыхъ для южно-русскихъ читателей возникла въ Кіевѣ уже гораздо ранѣе. Мы говорили раньше объ утратѣ древней письменности въ юго-западной Руси: когда въ эпоху религіознаго возбужденія и борьбы стала особенно чувствоваться потребность въ церковномъ чтеніи, для житій святыхъ приходилось обращаться къ латинскимъ и польскимъ книгамъ, что представляло свои вѣроисповѣдныя неудобства, — но вмѣстѣ съ тѣмъ привычка къ польскому языку была такова, что кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ составилъ на польскомъ языкѣ даже кіево-печерскій Патерикъ (впослѣдствіи дополненный и изложенный на славянскомъ языкѣ Іосифомъ Тризноу), Лазарь Барановичъ писалъ житія святыхъ на польскомъ языкѣ. Петръ Могила выписалъ съ Аѳона греческія житія Симеона Метафраста для новаго труда о житіяхъ святыхъ, но не успѣлъ довершить своего предпріятія. За подобный трудъ принимался и Иннокентій Гизель и просилъ у московскаго патріарха присылки русскихъ Миней, но онѣ были доставлены въ экземплярѣ, писанномъ скорописью, и были возвращены вслѣдствіе того, что въ Кіевѣ не умѣли читать московской скорописи. Наконецъ возникъ снова плачъ подобнаго труда, въ которомъ принялъ участіе Варлаамъ Ясинскій съ другими духовными лицами и исполненіе было поручено Димитрію Савичу, который въ то же время назначенъ былъ въ лаврѣ проповѣдникомъ. Отъ этого времени дошла первая проповѣдь Димитрія (1685) на годовую память Иннокентія Гизеля, проповѣдь, составленная по всѣмъ правиламъ тогдашней кіевской реторики. Въ эти годы стали особенно рѣзко сказываться упомянутыя спор-

¹⁾ Шлякинъ, стр. 30.

ныя отношенія малорусской церкви къ Москвѣ: эта церковь еще не была подчинена московскому патріарху, необходимость подчиненія становилась все болѣе очевидной при зависимости политической, но малорусская іерархія продолжала смотрѣть недовѣрчиво на московскую церковную власть. На югѣ помнили и старыя заслуги своей іерархіи, и предпочитали соборное управление церкви единоличной власти патріарха, были, наконецъ, невысокаго мнѣнія о московской учености: въ сохранившихся замѣткахъ Дмитрія видно, что всѣ эти мнѣнія раздѣлялъ и онъ вмѣстѣ съ своими южно-русскими товарищами. Тѣмъ временемъ (въ 1686) Дмитрія убѣдили принять вторичное игуменство въ батуриномъ монастырѣ. Здѣсь онъ продолжалъ работу надъ житіями, которая стала съ тѣхъ поръ его любимымъ трудомъ; этой работой былъ заинтересованъ и новый кievскій митрополитъ, Гедеонъ, и самъ гетманъ Самойловичъ (замѣтимъ, что Батуричь былъ его столицей). Гетманъ писалъ въ Москву къ патріарху Іоакиму и князю В. В. Голицыну съ просьбой прислать великія Четьи-Миней, находящіяся въ Успенскомъ соборѣ, по крайней мѣрѣ первые мѣсяцы ¹⁾, ручаясь за сохранность и возвращеніе. Миней были присланы, и работа быстро шла впередъ. Въ 1688 году патріархъ потребовалъ книги назадъ. Возвращая Миней, Дмитрій самъ писалъ патріарху, гдѣ, благодаря его за книги, говорилъ между прочимъ, что житія,—написанныя имъ во исполненіе послушанія, врученнаго ему отъ *малороссійской* церкви,—были уже читаны многими съ пользою и просилъ разрѣшенія издать ихъ „типомъ“. Патріархъ оставилъ просьбу безъ отвѣта. Требованіе возвращенія Миней, безъ сомнѣнія, имѣло причиной то, что патріархъ былъ тогда особенно недоволенъ малороссійскимъ духовенствомъ, которое расположено было къ неапативной ему „латинской части“ въ Москвѣ. Именно въ это время былъ въ Москвѣ въ полномъ разгарѣ споръ о прееуществованіи; патріархъ требовалъ отъ малорусскаго духовенства признанія православнаго ученія, посылалъ ультиматумъ Лазарю Барановичу, не давалъ кievо-печерской лаврѣ привилегіи на типографію и т. д. Въ это самое время Дмитрій впервые былъ въ Москвѣ. Между прочимъ патріархъ Іоакимъ требовалъ присылки „отъ лица вашего (малорусскаго) духовнаго чина мужа смиренномуара, прискренно восточныя церкви сына, вѣдуща извѣстна писанія святыхъ отецъ древнихъ учителей святыхъ Христовы восточныя церкви, а не силлогизмами и аргументами токмо упражняющаея, да чрезъ того вы

¹⁾ Годъ начинался съ сентября.

познаете вся наша, и мы ваша, и тако всякое разгласіе гонзнетъ“ (устрапится, исчезнетъ). Полагали, что именно по этому вызову Дмитрій отправился въ Москву, но на самомъ дѣлѣ онъ прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ Мазепою въ августѣ 1689 года, раньше полученія патріаршей грамоты. Въ свитѣ гетмана, состоящей изъ 300 человекъ, было нѣсколько духовныхъ лицъ, между прочимъ, кромѣ Дмитрія, названный нами раньше игуменъ кievскаго Кириллова монастыря, Иннокентій Монастырскій. Причина пріѣзда Дмитрія собственно неизвѣстна; она могла заключаться въ вопросѣ о Четь-Минейхъ: Дмитрій только-что закончилъ первый томъ ихъ, и онѣ привезены были новыми посланцами изъ Кіева, духовными лицами, отправленными вѣлѣдъ за гетманомъ. Это были первые три мѣсяца Миней: книга издапа была отъ имени кievской лавры и изданіе желали посвятить царскимъ величествамъ. Объ Иннокентіи Монастырскомъ позднѣйшее свѣденіе говоритъ, что онъ присланъ былъ тогда изъ Кіева „ради стязанія и изъявленія правды о пресуществленіи“, но въ Москвѣ было теперь не до правды... ¹⁾ На другой день по пріѣздѣ, 11-го августа, пріѣзжіе малоруссы представлялись царю Іоанну Алексѣевичу и царевнѣ Софьѣ; царя Петра не было и Дмитрій осторожно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что Петръ „былъ индѣ въ походѣ“; малоруссы посѣтили и патріарха Іоакима. Но этотъ „походъ“ былъ именно бѣгство Петра въ Троицкую лавру и полный разрывъ съ царезной Софьей; въ Троицѣ уѣхалъ и патріархъ Іоакимъ; 1-го сентября 1689 (по московскому счету, 1690) Петръ потребовалъ выдачи Медвѣдева и Шакловитаго. Положеніе гетмана, поставленнаго кн. В. В. Голицынымъ, и малорусскихъ духовныхъ (изъ нихъ Монастырскій былъ въ особенности союзникомъ Медвѣдева въ обществѣ Лихудовъ) было очень мудреное, но Мазепа самъ отправился въ Троицѣ: его приняли ласково; онъ явился съ богатыми подарками; думный дякъ Украинцевъ объявилъ гетману и всѣмъ старшинамъ похвалу за военные подвиги въ крымскомъ походѣ; Мазепа билъ челомъ, чтобы великій государь держалъ его всегда въ своей милости со всѣмъ малороссійскимъ народомъ; рѣчь Мазепы понравилась Петру, и гетманъ тутъ же подалъ челобитную, чернившую князя В. В. Голицына ²⁾. У Троицы малорусскіе духовные часто посѣщали патріарха. Какъ говорилъ съ нимъ Дмитрій, неизвѣстно; въ концѣ концовъ патріархъ благосло-

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 201 и дал.

²⁾ Костомаровъ, Мазепа, Москва, 1882, стр. 36—37.

вилъ его продолжать житія святыхъ, но московскихъ Миней не далъ; по Монастырскій, по словамъ московскаго свидѣтеля, держалъ себя рѣзко: въ то время, какъ другіе „разглагольствовали благочестно и скромно“ и присоединились въ догматахъ къ патріарху, Монастырскій, „родомъ жидовинъ“, производилъ церковный раздоръ, безчестилъ и безстыдно укорялъ патріарха (конечно, по вопросу о пресуществленіи и вѣроятно въ связи съ дѣломъ Медвѣдева), за что былъ „проклятъ и отослашъ“; по другому свидѣтельству онъ былъ тайно сосланъ изъ Москвы „промысломъ Евѣиміевымъ“. Позднѣе, въ „Щитѣ вѣры“, Монастырскій изображается прямо какъ „орудіе великаго онаго драконта сатаны многокозньственное и многообразное“. Въ концѣ сентября кіевляне собирались въ обратный путь. Дмитрій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Господи послѣши“,—видимо, что въ Москвѣ ему было жутко.

Несмотря на длинный рядъ опроверженій, въ средѣ южно-русскаго духовенства латинское мнѣніе о пресуществленіи продолжало держаться; оно оставалось въ кіевскихъ учебникахъ богословія; вѣроятно, держался его и Дмитрій Савичъ,—по крайней мѣрѣ, въ одномъ сборникѣ его приведенъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ объ этомъ догматѣ въ духѣ латинскаго ученія; нѣсколько позднѣе составленъ былъ особый трактатъ объ этомъ предметѣ, принадлежавшій, вѣроятно, другому южно-русскому богослову, другу Савича, Стефану Яворскому, гдѣ оба ученія примиряются на среднемъ терминѣ¹⁾.

Вернувшись домой, Дмитрій снова усердно принялся за работу надъ житіями. Новый патріархъ, Адріанъ, гораздо больше благоволялъ къ южно-русскимъ ученымъ; онъ прислалъ Дмитрію грамоту, въ которой похвалялъ его богоугодные труды и благословлялъ потрудиться на „всецѣлый годъ“. Въ 1692, Дмитрій покинулъ игуменство „для спокойнѣйшаго писанія житій святыхъ“, и для печатанія Миней переселился въ Кіевъ, но затѣмъ снова былъ назначенъ игуменомъ въ Глуховъ. Въ 1695 году окончена была вторая книга житій, заключающая мѣсяцы декабрь, январь и февраль и отпечатанная отправлена была патріарху Адріану при письмѣ самого Дмитрія. Патріархъ снова поощрялъ его къ труду. Въ 1697 году умеръ Иннокентій Монастырскій, старый другъ Дмитрія Савича, и на его мѣсто Дмитрій назначенъ былъ игуменомъ Кириллова монастыря; но остался здѣсь не долго и назначенъ былъ архимандритомъ елецкимъ. Подъ 1700 годомъ

¹⁾ Шлякинъ, стр. 224—228.

въ лѣтописи Величка записанъ выходъ въ свѣтъ третьей книги житій святыхъ (мартъ, апрѣль и май), составленной „трудами богодухновеннаго мужа іеромонаха Дмитрія Савича Тушталенка“. Книгу свезли въ Москву кіево-печерскіе соборные старцы.

Между тѣмъ въ личной жизни Дмитрія произошла великая перемѣна и ему пришлось покинуть родину навсегда. Въ 1700 году сдѣлалась вакантною кафедра сибирскаго митрополита вслѣдствіе сумасшествія Игнатія Корсакова (который, между прочимъ, былъ жизнеописателемъ патріарха Іоакима); по царскому указу долженъ былъ собраться „освященный соборъ“ для избранія митрополита изъ двухъ названныхъ въ указѣ кандидатовъ. Вторымъ изъ нихъ былъ Дмитрій. Вызванный тогда же въ Москву, онъ, по возвращеніи въ Москву Петра, привѣтствовалъ его рѣчью и вскорѣ назначенъ былъ митрополитомъ сибирскимъ. По разнымъ обстоятельствамъ отъѣздъ Дмитрія въ Сибирь замедлился; потомъ Дмитрій заболѣлъ, и когда самъ царь посѣтилъ его, Дмитрій жаловался на здоровье, слишкомъ слабое для Сибири, говорилъ о неоконченномъ трудѣ надъ житіями; царь разрѣшилъ ему остаться въ Москвѣ и вскорѣ онъ назначенъ былъ митрополитомъ ростовскимъ, а въ Сибирь вмѣсто него посланъ старшій его знакомецъ Филофей Лещинскій.

Въ 1703 году Дмитрій прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь началась для него совсѣмъ новая дѣятельность. Онъ впервые встрѣчался непосредственно съ народнымъ бытомъ московской Россіи, и его должны были тяжело поразить грубыя черты этого быта, нравственное одичаніе и невѣжество не только народной массы, но и самихъ пастырей. Съ самаго начала окружили его тревоги административныя. Еще раньше, въ 1701 году, былъ учрежденъ или возстановленъ монастырскій приказъ, который долженъ былъ принять въ свое вѣденіе управленіе церковными и монастырскими имуществами, административный надзоръ надъ монахами, приходами, богадѣльнями, школами и т. д.; основною цѣлью монастырскаго приказа былъ переводъ церковныхъ вотчинъ въ полное вѣденіе государства. Дѣйствительно, въ прежнемъ управленіи было много самыхъ серьезныхъ недостатковъ; земельные споры монастырскихъ крестьянъ перѣдко копчались насильственными захватами, грабежами; въ управленіи происходили всякіе безпорядки; въ свою очередь и чиновники монастырскаго приказа, по обычаю тѣхъ временъ, не отличались ни административными, ни нравственными качествами; наконецъ, отъ новыхъ тяжелыхъ податей и принудительныхъ работъ крестьяне разбѣгались, „покинувъ дома свои“ и „невѣдомо куда“, а съ ихъ бѣгствомъ бѣд-

нѣло духовенство и монастыри. Кромѣ денегъ новому начинавшемуся государству надобны были люди, и правительство стало принимать весьма рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы извлечь пользу изъ людей негодныхъ или лишнихъ въ церковномъ устроении, хотя и находившихся въ церковномъ вѣдомствѣ: изъ монастырей велѣно было выслать дьячковъ, клирошанъ, монашескихъ родственниковъ, и впредь не пускать ихъ въ монастыри; составлены были переписи монастырей съ запрещеніемъ увеличивать число братіи, и постригать вновь велѣно было только съ вѣдома монастырскаго приказа; особенный страхъ возбудило требованіе на военную службу священно-служительскихъ сыновей, не учившихся въ епархіальной школѣ, — доходило до такихъ пелѣностей, что когда въ 1705 ростовскій стольникъ требовалъ въ солдаты священническихъ дѣтей, ему отвѣчали, что у священниковъ дѣтей нѣтъ. Это вмѣшательство монастырскаго приказа и вообще свѣтской власти въ бытъ духовенства было очень стѣснительно для духовной администраціи; злоупотребленія и грубыя нравы еще усиливали эту тягость; въ письмахъ Димитрія Ростовскаго не однажды высказываются жалобы на его трудное положеніе, даже на умаленіе церкви „отъ внѣшнихъ гонителей“.

Въ самомъ исправленіи церковнаго служенія Димитрій встрѣтилъ примѣры грубѣйшаго невѣжества и нравственнаго упадка. Священники оказывали непочтеніе самой святыцѣ, злоупотребляли тайною исповѣди, ходили только къ богатымъ, а нищихъ презирали и т. д. Для исправленія этихъ недостатковъ мало было однихъ административныхъ распоряженій и Димитрій пишетъ послапія къ своему духовенству, говоритъ проповѣди и съ самаго пріѣзда въ Ростовъ основываетъ школу... Ему нужно было учить іереевъ даже тому, какъ должно хранить св. тайны — въ церкви, или дома, въ чистомъ сосудѣ, на честномъ мѣстѣ. Однажды случилось ему войти въ сельскую церковь. „Егда же, — рассказываетъ онъ, — вопроеихъ тамошняго попа: гдѣ суть животворящія Христовы тайны? Попъ той не уразумѣ словесе моего и яко недомышляяй стояше, молча. Паки рекъ: гдѣ тѣло Христово? — попъ же ни сего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ *запасъ*? Тогда онъ иземъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велію святыню“ — для обозначенія святыни былъ въ ходу только грубый техническій терминъ; священники отправляли службу кое-какъ, не прогрезвившесъ, въ алтарѣ сквернословили и т. п. Димитрій старался исправить эти вопіющія неустройства, учить священниковъ правильному

исполненію своего долга, требовалъ, чтобъ священники посылали своихъ дѣтей въ грамматическія училища въ Ростовъ, гдѣ „повелѣніемъ великаго государя учать безденежно, для того нарочно, чтобъ священническія дѣти не были глухи“,—чтобы потомъ, получивъ священническій санъ, умѣли поучать народъ въ церкви и т. д.

Основаніе школы въ Ростовѣ было, повидимому, однимъ изъ первыхъ дѣлъ Димитрія въ его епархіи. Указомъ великаго государя назначено было жалованье учителямъ греческаго, латинскаго и русскаго языковъ (послѣдному гораздо меньше, чѣмъ первымъ), и опредѣленъ „хлѣбъ пицимъ, которые учатся будутъ русскою грамотѣ“—по деньгѣ въ день, и по двѣ тѣмъ, которые будутъ учиться греческому и латинскому языку. Число учениковъ доходило до двухъ-сотъ; большинство были священническія дѣти, по были и благородные; въ латинское ученье, кромѣ грамматики, входила и реторика, какъ видно изъ сохранившихся записей объ упражненіяхъ учениковъ. Преподаватели латыни и реторики, судя по фамиліямъ, были малоруссы, и школьные приемы, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, были, конечно, кievскіе. Учили кромѣ того пѣнію, съ западными приемами (наименованіемъ нотъ); въ описи имущества Димитрія упоминаются учебные предметы, быть можетъ, употреблявшіеся и въ его школѣ: два глобуса, географическія карты. Школьные порядки вообще были кievскіе, т. е. порядки латинскихъ схоластическихъ школъ: напр., лучшій ученикъ назывался императоромъ, садился на особомъ мѣстѣ, ему оказывались почести; дурные ученики сидѣли назади у печки или у дверей; въ неклассные часы ученики были свободны; лѣтомъ давались короткіе каникулы; по праздникамъ ученики произносили рѣчи (сочинявшіеся, конечно, учителями), разыгрывали театральныя пьесы и діалоги, между прочимъ, „Комедію на Рождество Христово“, которая приписывалась самому Димитрію Ростовскому и представляетъ передѣлку польской пьесы. Обращеніе съ учениками было вообще довольно мягкое, но „звѣроподобные“ ученики получали и плеть.

Самъ Димитрій очень заботился о своей школѣ: онъ часто посѣщалъ школу, выслушивалъ учениковъ, самъ толковалъ имъ священное писаніе; школьники бывали пѣвчими при богослуженіи не только въ Ростовѣ, но и въ другихъ мѣстахъ; Димитрій самъ ихъ исповѣдовалъ и приобщалъ. Біографъ Димитрія отмѣчаетъ, что, взявъ формы схоластической школы, Димитрій въ своемъ училищѣ не ввелъ ея духа и, напротивъ, далъ ей характеръ семей-

ной простоты, заботливости и благодушія ¹⁾. Къ сожалѣнію, она удержалась не долго, и позднѣйшія духовныя школы не сохранили этого характера, который здѣсь данъ былъ именно личностію самого Димитрія. Нечего говорить, что сравнительно съ предъидущимъ школа была пововведеніемъ, для котораго раньше не было примѣра. Человѣкъ глубоко благочестивый, строгій въ своемъ церковномъ служеніи, Димитрій былъ, однако, совершенно свободенъ отъ московскаго изувѣрства: для старинныхъ московскихъ людей былъ безъ сомнѣнія крайне неодобрительнымъ, если не совершенно грѣховнымъ, тотъ фактъ, что самъ митрополитъ устраивалъ въ своей школѣ театръ, и было, вѣроятно, окончательно преступнымъ то, что когда для театра нужно было готовить костюмы, то Димитрій не усомнился употребить на это старыя ризы прежнихъ ростовскихъ архіереевъ. Въ это дѣло вступился только недругъ Димитрія, стольникъ монастырскаго приказа Воейковъ на томъ основаніи, что эти ризы были казенное имущество...

Въ Ростовѣ Димитрій прилежно заваять былъ своими книжными работами. Въ февралѣ 1705 года онъ закончилъ свои Четь-Миней (мѣсяць августъ) и въ концѣ мая послѣдній томъ вышелъ изъ печати въ Кіевѣ. Этотъ обширный трудъ составилъ главную литературную славу Димитрія. Это не была ученая работа въ повѣщемъ смыслѣ: Димитрій хотѣлъ только собрать для благочестивыхъ людей древнія легендарныя сказанія для цѣлей назиданія, и успѣлъ въ этомъ; его книга остается любимымъ чтеніемъ и до сихъ поръ, и подверглась потомъ только нѣкоторымъ сокращеніямъ ²⁾. Для своего времени это былъ трудъ единственный въ своемъ родѣ, какаго, безъ сомнѣнія, не могъ бы совершить никто изъ московскихъ книжниковъ. Не представляя критическаго изслѣдованія, книга Димитрія Ростовскаго не была, однако, простымъ повтореніемъ своихъ источниковъ. То, что находилъ онъ въ Макарьевскихъ Минейхъ, онъ дополнялъ изъ источниковъ греческихъ и латинскихъ; съ самаго начала у него былъ въ рукахъ Симеонъ Метафрастъ, сборникъ Сурія (*Vitae sanctorum*); въ 1693 году ему привезли изъ Гдауска *Acta sanctorum* Болландистовъ; наконецъ, онъ собралъ русскія житія, въ которыхъ умѣлъ

¹⁾ Шляпкинъ, 352—353.

²⁾ О дальнѣйшихъ редакціяхъ Четь-Миней см. у Чистовича, *Исторія с.-петербургской духовной академіи*. Сиб. 1857, стр. 27—32. Биографъ замѣчаетъ, что Димитрій Ростовскій умѣлъ передать поэзію легенды, и припоминаеть, что житіе св. Феодора вдохновило Герцена въ повѣсти этого имени, изданной въ „Р. Мысли“, 1831 (Шляпкинъ, стр. 374).

упоситъся критически. Въ изложеніи житій находили мѣсто и объясненія различныхъ предметовъ вѣры и церковной исторіи ¹⁾).

Какъ въ Четь-Минейхъ Димитрій Ростовскій хотѣлъ дать книгу, недостававшую въ нашей литературѣ, такъ подобная мысль руководила имъ въ составленіи его „Лѣтописи“. Она осталась неконченною, но сохранившаяся часть даетъ понятіе о свойствѣ работы. Цѣлью Димитрія было дать связное изложеніе библейской исторіи съ прибавленіями и объясненіями различныхъ церковныхъ писателей и вмѣстѣ дать нравственное поученіе. На вопросъ, почему нужно читать библейскую исторію и прочія библейскія книги, онъ отвѣчаетъ, что это нужно по тремъ причинамъ: „познанія ради Бога; управленія ради себя самаго; наставленія ради ближняго“. На трудъ свой онъ смотритъ очень скромно: книжные люди хорошо знаютъ все это, на иностранныхъ языкахъ довольно печатныхъ книгъ и на нашемъ славянскомъ языкѣ есть рукописные хронографы; въ наполненныя житицы нечего прибавлять нѣсколько зеренъ или въ большія рѣки вливать горсть воды,—онъ писалъ книги для своего келейнаго чтенія, въ наученіе себя: „аще же та (книжица) и въ иныхъ книгочитателей руки впадеть, и аще кому будетъ угодна, о томъ да прославится имя Господне, о немже семы, живемъ, и движемся, и глаголемъ, *и пишемъ*“. Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что еслибы эта лѣтопись была имъ окончена, она была бы „единственною для библейской исторіи въ церковной нашей словесности“. Дѣйствительно, это была первая замѣна стараго хронографа, той скудной—и, должно сказать, порядочно грубой—компиляціи, какою довольствовались читатели стараго времени; это былъ трудъ, основанный на обширномъ изученіи и самой библіи, и отцовъ церкви, византійскихъ хронистовъ и новѣйшихъ церковныхъ писателей; на поляхъ онъ постоянно цитируетъ свои библейскіе и ученые источники: въ числѣ послѣднихъ были, наприкладъ, Корнелій а Lapide, Гавріилъ Буделинъ, Навклиръ, Меркаторъ, Клуверъ, Беллярмишъ и т. д. Опять никто изъ московскихъ книжниковъ не былъ бы способенъ на подобную работу. Въ теченіе работы онъ писалъ о ней своимъ друзьямъ, Стефану Яворскому, чудовскому монаху Θεологу, прося ихъ совѣтовъ и указаній. Въ одномъ изъ писемъ онъ указываетъ и практическіе поводы своей работы: помню,—говоритъ онъ,—что въ нашей малороссійской сторонѣ трудно сыскать славянскую библію, и изъ

¹⁾ Указанія источникамъ житій сдѣланы въ книгѣ: „Св. Димитрій Ростовскій“. М. 1849.

духовнаго чина рѣдко кто знаетъ порядокъ библейскихъ исторій, что когда происходило; и онъ приводитъ примѣры невѣжества, „смѣху годныя дискурсы“ о предметахъ церковной исторіи; не больше, конечно, знали и въ московской сторонѣ, и въ другихъ письмахъ онъ опять приводитъ примѣры, между которыми ему вспоминаются и „брыцкіе богословы“. О составѣ лѣтописи онъ пишетъ однажды Стефану Яворскому, что работа его, пожалуй, мало кому поправится; въ ней, какъ въ сбитыи русскомъ, мѣшанина — и исторія, „и будто толкованійце пѣкое изъ Корнелія и изъ другихъ книгъ“, „и идѣ правоученійце, особливо въ первой и во второй тысячѣ лѣтъ, гдѣ мало находится исторій“; онъ знаетъ, что въ книгописательствѣ одно — быть историкомъ, другое — толкователемъ, третье — правоучителемъ, но я, — говоритъ онъ съ нерѣдкой у него шуткой, — смѣшалъ все это, какъ горохъ съ канустой, желая имѣть книжку съ отрывками и замѣтками, чтобы пригодилась иногда и для проповѣди. Дѣйствительно, въ лѣтописи найдется не мало общаго и съ его проповѣдью.

Мы видѣли, что Димитрій рано сталъ проповѣдникомъ. Въ южно-русской церкви это была особая должность, которая не однажды на него возлагалась. Онъ не оставлялъ проповѣди и впоследствии, и наибольшее число поученій относится къ послѣднимъ годамъ его жизни въ Москвѣ и Ростовѣ. Первые проповѣди Димитрія (ихъ сохранилось всего меньше) еще носятъ на себѣ въ полной мѣрѣ печать его риторической школы: онѣ составлены именно по тѣмъ правиламъ, какія преподавалъ упомянутый нами раньше „Ключъ разумѣнія“ — съ искусственнымъ построениемъ, риторическимъ развитіемъ темы, съ аллегоріей и символическими толкованіями, нерѣдко натянутыми, съ примѣрами изъ библейской и свѣтской исторіи и т. п. Съ теченіемъ времени эта искусственная манера начинаетъ отпадать, хотя никогда не исчезла вполне, какъ слишкомъ укоренившаяся привычка; все больше получаетъ мѣста прямое поученіе, простое толкованіе христіанской нравственности; примѣры берутся изъ дѣйствительной жизни; старый риторическій оборотъ получаетъ окраску нѣкотораго юмора, въ которомъ едва ли не сказывается именно малорусскій. Въ проповѣдяхъ Димитрія нѣтъ такого близкаго отношенія къ политической современности какъ у Теофана Прокоповича или Стефана Яворскаго; но онъ и не уклонялся при случаѣ высказать свои взгляды по поводу совершавшихся событій. Больше или меньше прямо относятся къ Петру проповѣди, обличающія „гнѣвную ярость“, пьянство и иные пороки, неуваженіе къ святышѣ; другіе несомнѣнно имѣютъ въ виду вводимыя имъ обы-

чаи и распоряженія, напримѣръ указъ о разрѣшеніи поста въ войскахъ. Въ проповѣди, произнесенной въ 1708 году въ Москвѣ, представленъ пиръ Ирода. На первыхъ мѣстахъ сидятъ три лица: Венусъ (Венера), Бахусъ и Арей (Марсъ); Венусъ привыкла царствовать, она владѣетъ и самими царями. Что касается до Бахуса, то, говоритъ проповѣдникъ, — „не токмо еллиномъ, но, якоже вижду, и нашимъ глаголющимся быти православнымъ христіаномъ, той божишко не нелюбъ, понравился... Не соблюдать постовъ, — то не грѣхъ; день и ночь пиянствовати — то людскость; пребывать въ гуляніи — то дружба, а что по смерти о душѣ скажутъ, куды ей идти, баснь то“. „Речеть Бахусъ чревоугодный богъ съ ученикомъ своимъ Мартиномъ Лютеромъ: надобно въ полкахъ не смотрѣти поста, и въ постъ ясти мясо, чтобъ полковые люди въ воинствѣ были сильны, въ бою крѣпки, не ослабѣли бъ въ брани отъ поста и воздержанія. Но Гедеепово воинство и постыя побѣдило мадіанитянъ“... Несомнѣнно къ Петру относились сожалѣнія, что между „людьми сего времени“ нѣтъ Константиновъ, нѣтъ Владиміровъ, которые любили благолѣпіе дома Господня. „а мы о храмѣхъ его попеченія ни единого прилагаемъ“. Мысли Дмитрія Ростовскаго объ этомъ послѣднемъ ясно, хотя и съ осторожностью, высказываются въ его письмахъ къ близкимъ людямъ, напримѣръ Стефану Яворскому. Онъ не однажды упоминаетъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ церковною жизнью. Въ 1707 году онъ жалуется, „что времена нынѣшніи не додаютъ фантазіи и охоты до книгописанія. *Silent musae inter arma*“. Въ письмѣ отъ февраля 1708 года онъ пишетъ къ Яворскому о положеніи вещей: извнѣ брань, внутри страхи; „только беззаконій, толико обидъ, толико *oppressiones* вопіютъ на небо и возбуждаютъ гнѣвъ и отомщеніе божіе“¹⁾. Очевидно, что это относится къ крутымъ мѣрамъ Петра, которыя должны были отражаться, между прочимъ, на бытѣ духовенства. Самъ митрополитъ находился въ очень стѣсненномъ матеріальномъ положеніи: онъ бывалъ не въ состояніи помочь тѣмъ, кто могъ ожидать отъ него помощи, потому что и самъ жилъ въ большой скудости. Замѣчаютъ, что къ послѣднимъ годамъ жизни Дмитрія относится въкоторое сближеніе его со старой русской партіей, съ приверженцами царевича Алексѣя; это могло быть, когда въ немъ самомъ эта партія могла замѣтить нерасположеніе къ нѣкоторымъ суrowsымъ мѣрамъ царя, — но его все-таки никакъ нельзя было зачислить въ ряды противниковъ реформы. Южно-русское образо-

¹⁾ По рукописамъ Дмитрія Ростовскаго у Шляпниина, стр. 420—435.

ваніе должно было внушать ему сочувствіе къ стремленіямъ Петра распространять знанія, обновить государство. Осуждая крайности, весьма прозрачно указывая личные недостатки Петра въ проповѣдяхъ, сказанныхъ даже въ его присутствіи, Димитрій Ростовскій, безъ сомнѣнія, вполне искренно желалъ успѣха его трудамъ и между прочимъ сочувствовалъ сношеніямъ съ иностранцами: „хвалю добрый той нынѣшнихъ временъ обычай, что многіе люди въ иныя государства ходятъ ученія ради, изъ-за морей бо умудренніи возвращаются... Аще же память смертная есть философію, убо тоя мудрости учиться не довлѣетъ сидя въ дому, но и въ чужихъ странахъ побывати требѣ“.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія. Живя въ Ростовѣ, онъ старался собирать историческія свѣденія о своей епархіи; трудился и надъ составленіемъ лѣтописи или сборномъ хронографѣ о началѣ славянскаго народа¹⁾. Келейную лѣтопись онъ намѣревался довести только до Рождества Христова, такъ какъ ветхозавѣтная исторія на славянскомъ языкѣ не имѣла толкованія; писать дѣянія царствъ римскихъ, греческихъ и прочихъ, по его мнѣнію, было не архіерейское дѣло,—это можетъ сдѣлать и какой-нибудь мірской человѣкъ. Самъ же онъ,—какъ онъ пишетъ къ Ѳеодору Поликарпову въ концѣ 1708 года,—если бы Богъ далъ ему немощному помощь, силу и разумъ съ прибавленіемъ жизни“, хотѣлъ послѣ лѣтописи заняться псалтырью, собирая уже готовыя толкованія: „аще бо и суть у насъ на языкѣ славенскомъ рукописныи толкованныи псалтыри, но не ясны *аки въ льсу и пустинь*²⁾, и зѣло желается мнѣ того дѣла, аще бы Богъ далъ, аще бы коса смертная не пресѣкла“. Такимъ образомъ онъ имѣлъ смѣлость признать, что старая письменность (въ которой не мало было толкованій псалтыри) въ сущности уже не удовлетворяла потребности въ ясныхъ толкованіяхъ писанія: должно сказать, что многія изъ подобныхъ книгъ старой письменности дѣйствительно бывали мало доступны своимъ читателямъ, которые нерѣдко бродили какъ въ лѣсу или пустынѣ въ невразумительныхъ буквальныхъ переводахъ съ греческаго. И опять такой самостоятельной работы, доступной читателю, московскими книжниками сдѣлано не было и едва ли они способны были сдѣ-

¹⁾ Этотъ трудъ его остался невзданнымъ; митрополитъ Евгеній упоминаетъ, что, вѣроятно, вмѣсто этой книги въ собраніе сочиненій Димитрія попалъ Синописъ Иннокентія Гизела (Словарь, I, стр. 132). Даже въ кіевскомъ изданіи 1861 года „Синописъ“ помѣщенъ, какъ третье отдѣленіе „Келейной лѣтописи“.

²⁾ Одинъ изъ малоруссизмовъ, какіе вообще нередки въ подлинныхъ писаніяхъ Димитрія Ростовскаго, даже до послѣднихъ лѣтъ его жизни.

лать ее въ томъ духѣ, какъ мечталъ объ этомъ Димитрій Ростовскій. Но этой работы онъ не успѣлъ совершить, и послѣдній годъ его жизни былъ занятъ знаменитой потомъ книгой, изданной уже долго спустя по его смерти. Это былъ „Розыскъ о раскольнической брянской вѣрѣ“¹⁾, изданный впервые въ 1745 г. и съ тѣхъ поръ много разъ печатавшійся въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Расколъ долженъ былъ привлечь вниманіе Димитрія съ самаго начала его пастырской дѣятельности. Въ Ростовѣ онъ не однажды встрѣчался съ раскольниками и еще больше слышалъ объ нихъ. Онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ своему пріятелю Θεологу, котораго между прочимъ просилъ о доставленіи матеріаловъ для этой книги: „Нужда въ Ярославлѣ раскольничья. Тамо бывъ, училъ помощію Божіею съ недѣлю, но поспеже словеса изъ устъ болѣе идутъ на вѣтеръ, нежали въ сердце, того ради все подлежащее лѣтописанія ми дѣлю оставивъ, яхся (принялся) писать особую внизицу противъ раскольничьихъ учителей... Богъ о лѣтописаніи не истяжетъ (не спроситъ), а о семъ, аще молчатъ... истяжетъ“. Въ самой книгѣ онъ упоминаетъ, что уже раше патриархъ московскій издалъ двѣ изрядныя книги противъ раскольниковъ: „Жезлъ правленія“ и „Увѣтъ духовный“, и не нужно лучшихъ книгъ для ихъ обличенія; но онъ не знаетъ, существуютъ ли эти книги въ ростовской епархіи, и едва ли, потому что „непавистная рука раскольническая истребляетъ ихъ“. Потому онъ по своей должности и написалъ эту книжку: когда волки нападаютъ на стадо, пастырю не должно быть одержиму сномъ.

Эти послѣднія выраженія указываютъ на отношеніе Димитрія къ расколу: оно—сильно враждебное. Тѣмъ не менѣе „Розыскъ“ Димитрія Ростовскаго во многомъ отличается отъ другихъ обличеній раскола, современныхъ ему и позднѣйшихъ. Писатели южно-русской школы, не знавшіе никакого раскола у себя дома, возмущались московскимъ расколомъ, въ особенноти какъ свидѣтельствомъ грубаго невѣжества не только въ простонародной массѣ, отъ которой и нельзя было бы требовать церковныхъ знаній, но и въ средѣ самого духовенства, даже такого, которое занимало видныя мѣста и пользовалось большимъ почетомъ, какъ первые расколуучители, протопопъ Нероновъ или протопопъ Аввакумъ. Кіевлянамъ было непонятно, какимъ образомъ подъ именемъ „старой“ вѣры составлялась эта новая, „брянская“, вѣра, которая

¹⁾ Отъ знаменитыхъ некогда дремучихъ брянскихъ лѣсовъ, въ нынѣшней калузской губерніи, которые служили гнѣздомъ раскольничьихъ скитовъ, а также и разбойничьихъ шакъ. Эта мѣстность описывается въ известномъ романѣ Лажечникова—„Брянскій лѣсъ“.

такъ часто основывалась на грубомъ непониманіи писанія, даже на простомъ незнаціи грамматики, и Димитрій, какъ раньше Полоцкій, возмущался тѣмъ, что подобные невѣжественные люди становились проповѣдниками, не трудясь чему-либо научиться. Отсюда рѣзкость его тона, которая вызывалась также и необузданностью раскольничьихъ писаній. Онъ негодовалъ на безумства, которыя уже совершались въ то время въ средѣ раскола. Еще раньше „Розыска“ Димитрій останавливался на заблужденіяхъ раскола. „Слышахъ азъ, — писалъ онъ, — яко мнози, оставляюще дома своя, имѣнія и сродники, бѣжати въ пустыню, въ лѣсы Брынскій, аки бы ищуще Христа и правыя вѣры... будто Христосъ и яже въ него вѣра сидитъ нѣгдѣ въ лѣсѣ, за колодою... слышахъ и то, яко у раскольщиковъ сокровенно уже и христы обрѣтаются, предтечь антихристовыхъ наплодилось“; между раскольниками уже въ то время распространялась такъ-называемая Христова любовь... Но суровость Димитрія Ростовскаго тѣмъ не менѣе отличается отъ рѣзкости другихъ тогдашнихъ писателей протовъ раскола: это не была суровость инквизитора, а негодованіе благочестиваго человека, и онъ опровергалъ расколъ не буквою писаній, а стараясь разъяснить самую сущность дѣла; поэтому „Розыскъ“ состоитъ изъ множества догматическихъ, обрядовыхъ и простыхъ житейскихъ объясненій, для которыхъ онъ приводитъ цѣлую обширную литературу, изъ священнаго писанія, отцовъ церкви, старон русскои литературы, наконецъ изъ церковныхъ историковъ латинскихъ. Свѣденія о расколѣ онъ имѣлъ и изъ собственнаго опыта, рассказовъ очевидцевъ и изъ писаній самихъ раскольниковъ. Окончивъ свою книгу, въ мартѣ 1709, онъ писалъ своему другу Θεологу и дѣлаетъ, между прочимъ, любопытныя замѣчанія о книгѣ „Зерцало“, написанной тогда же неизвѣстнымъ авторомъ: „Зерцало безыменнаго творца выслушахъ, велѣлъ преписать: а книжица та воистину благопогребна, великое раскольникомъ обличеніе и постыжденіе. Когда бы та книжица прилучилася мнѣ *прежде написанія моеи*, много быхъ отъ нея почерпнулъ. Я свою помощью Божіею окончихъ“... Это было сочиненіе извѣстнаго Посошкова: „Зерцало безыменнаго творца на раскольниковъ обличеніе“ ¹⁾. Въ другомъ письмѣ къ Θεологу онъ

¹⁾ Оно занимаетъ почти сполна второй томъ „Сочиненій“ Посошкова въ изданіи Погодина, М. 1863. Сличеніе Зеркала съ Розыскомъ Димитрія Ростовскаго сдѣлано въ книгѣ г. Царевскаго: „Посошковы и его сочиненія“. М. 1883, стр. 114—117. Г. Царевскій, между прочимъ, сообщаетъ, что въ одномъ свискѣ Зеркала находятся „метросочиненные стихи“, написанные въ похвалу этой книгѣ Димитріемъ Ростовскимъ въ 1709 году: приведенное имъ четверостишіе совпадаетъ (какъ часть) съ од-

просить сказать ему объ авторѣ Зерцала ¹⁾, которое видимо его заинтересовало.

Его тянуло теперь къ другимъ работамъ: „наскучило о расколѣ“; онъ думалъ о толкованіи евангелія и о лѣтописцѣ, но дни его были уже сочтены. Въ послѣдніе годы его здоровье было очень слабо, онъ работалъ видимо черезъ силу; въ послѣдній день своей жизни, отпустивъ вечеромъ служителей, Димитрій вошелъ въ особенную келью для молитвы, и тамъ на другое утро былъ найденъ умершимъ на колѣняхъ въ молитвѣ (28-го окт. 1709). Отъ него не осталось никакого имущества кромѣ книгъ, и въ завѣщаніи онъ просилъ похоронить его, какъ хоронятъ нищихъ: изъ тѣхъ скудныхъ средствъ, какія онъ имѣлъ по своей каедрѣ, все, что можно было, онъ тратилъ на благотворенія.

Передъ нами пропелъ цѣлый рядъ лицъ, которыя могутъ служить типическими представителями состоянія умовъ въ книжной средѣ наканунѣ и въ самомъ началѣ реформы. Господствующій интересъ, которымъ они жили вмѣстѣ съ большимъ кругомъ общества и самаго народа, былъ церковный интересъ, какъ нѣкогда; но скрытное движеніе къ просвѣщенію проникло и сюда, и въ результатѣ мы видимъ чрезвычайно характерныя видоизмѣненія и рѣзкія противоположности въ этомъ интересѣ.

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ первый убѣжденный и увлеченный ученикъ Симеона Полоцкаго; первый настоящій ученый русскій человекъ, одинъ трудъ котораго восхищалъ новѣйшаго ученаго археографа небывалымъ богатствомъ и точностью свѣденій о старой русской письменности; онъ мечталъ объ „академіи“, которая положила бы начало распространенію любимой имъ науки; но чтеніе „латинскихъ книгъ“ уже навлекло на него подозрѣніе въ глазахъ ревнителей старины, и когда онъ рѣшился указать неправильности въ исправленіи книгъ и задѣтъ при этомъ самого патріарха, а въ латинскихъ книгахъ вычиталъ нѣкоторыя необычныя богословскія мнѣнія, онъ навлекъ на себя страшную вражду патріарха, которая, по убѣжденію новѣйшихъ историковъ, и была главною причиною его гибели.

Противъ него стоитъ патріархъ Іоакимъ, типъ стариннаго книжника, узкаго и фанатически злобнаго. Самъ онъ былъ „мало ученъ и богословскихъ рѣчей не зналъ“, какъ Медвѣдевъ повторяетъ изъ четырехъ похвальныхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ изданіи Погодина (Ц, стр. 7—8).

¹⁾ Шляпкинъ, стр. 446.

рять о немъ даже на пыткѣ; по это тѣмъ болѣе могло содѣйствовать его упорству подѣ наущеніями его внушителей, и его жестокости въ томъ, что онъ считалъ охраненіемъ церкви. Онъ былъ упорный приверженецъ старины; онъ, конечно, былъ преемникъ Никола, но самъ протопопъ Аввакумъ не имѣлъ особеннаго раздраженія противъ „Якимушки“, — между ними дѣйствительно было не мало общаго, какъ ихъ ревность къ преданію и ненависть къ „латинскому“ и „нѣмецкому“; эта ревность къ преданію у обоихъ переходила всякіе предѣлы: одинъ, ересіархъ, желалъ бы быть ветхозавѣтнымъ пророкомъ и кровожадно мечталъ „перепластать“ своихъ враговъ; другой, патріархъ, мучилъ и унижалъ Сильвестра Медвѣдева въ „хранилѣ“ и добился его казни: „личная ненависть къ Медвѣдеву заглушила въ немъ всякое понятіе о справедливости“, — такъ думаетъ повѣйшій историкъ. Къ сожалѣнію, заглушено было не одно чувство справедливости: въ спорахъ о буквѣ терялось всякое понятіе о христіанскомъ милосердіи; религія любви становилась религіей мщенія и злобы. Во всей нашей старой письменности мы не читали ничего столь *холодно* свирѣпаго, какъ тѣ страшныя проклятія, какія придумывались и призывались на голову Медвѣдева въ упомянутомъ выше соборномъ постановленіи, конечно, выражавшемъ мысли патріарха, — съ ними можетъ равняться развѣ только ядовитая свирѣпость Грознаго въ посланіяхъ къ Курбскому. На помощь малой учености патріарха явились услужливые ученые совѣтчики: одинъ былъ свой—чудовскій монахъ Евѡимій, ограниченный фаватикъ; двое другихъ были греки, ученые аферисты, къ какимъ не однажды приходилось прибѣгать малоученой московской іерархіи старыхъ временъ.

Отрадную противоположность этому кругу представляетъ мягкій, доброжелательный, искренно благочестивый Димитрій Ростовскій. Онъ также читалъ „латинскія книги“ и въ свое время былъ, конечно, наиболѣе ученый человекъ въ средѣ тогдашней іерархіи. Онъ былъ питомецъ *малороссійской* церкви и, какъ другіе ея питомцы, дѣлилъ ея мысли и ея отношенія къ Москвѣ; но, мирный труженикъ въ кельѣ, онъ видимо питалъ отвращеніе къ тому способу, какимъ рѣшались богословскіе вопросы въ тогдашней Москвѣ; припомнимъ, что тотъ южно-русскій богословъ, который защищалъ мнѣнія Медвѣдева и былъ „проклятъ“ Іоакимомъ, „многокозньственное орудіе онаго драконца сатаны“ по „Щиту вѣры“, — былъ другъ Димитрія Ростовскаго. Димитрій предпринимаетъ обширные книжныя труды, какихъ до него и при немъ не въ состояніи было произвести московское книжничество.

чество, и эти труды сохранили донынѣ почетное мѣсто въ русской церковной литературѣ. Онъ былъ также ревнитель по вѣрѣ — какъ въ своихъ обличеніяхъ раскола; но мы замѣтили уже, что это не была ревность ипквизитора, а ревность благочестиваго и просвѣщеннаго человѣка, который ужасался мраку невѣжества, въ конецъ извращающаго вѣру. Когда Іоакимъ, совсѣмъ по-старовѣрчески, ненавидѣлъ „проклятыхъ“ иноземцевъ, мѣшая въ одно нѣмцевъ и татаръ, западныхъ христіанъ и магометанъ, Дмитрій Ростовскій ревностно изучать западную латинскую литературу, велъ дружескую переписку (на латинскомъ языкѣ) съ Исаакомъ Вандербургомъ, иноземнымъ купцомъ въ Архангельскѣ, который выписывалъ для него латинскія книги изъ-за границы ¹⁾.

Въ самомъ языкѣ Дмитрій Ростовскій остался до конца питомцемъ кievской школы: въ его печатныхъ сочиненіяхъ этотъ языкъ исправленъ въ церковно-славянскомъ стилѣ; но въ его рукописяхъ постоянно сохраняется отгѣнокъ малорусской рѣчи и тогдашняго кievскаго правописанія; особенно любопытны въ этомъ отношеніи его письма къ друзьямъ, такимъ же южно-руссамъ, даже за послѣдніе годы его жизни; языкъ этихъ писемъ — оригинальная смѣсь всѣхъ тѣхъ элементовъ, въ которыхъ воспитывалась и жила его мысль: важная церковно-славянская рѣчь переплетается съ цѣлыми фразами и отдѣльными выраженіями латинскими, малорусскими, польскими, и въ самомъ содержаніи серьезная мысль чередуется съ житейскими мелочами и съ добродушнымъ юморомъ.

Это былъ канунъ реформы. Въ лучшихъ людяхъ сказалось несомнѣнное исканіе другого умственнаго порядка вещей, чѣмъ тотъ, въ какомъ доживала старина. На первый разъ искали выхода въ латинскомъ образованіи, въ которомъ было еще слишкомъ много устарѣлой схоластики; реформа открыла новые пути: на мѣсто церковной схоластики стало реальное и свѣтское знаніе; вмѣсто „латинскихъ книгъ“ было впервые открытъ доступъ въ новую европейскую литературу.

А. Пылинъ.

¹⁾ Онъ пишетъ однажды Вандербургу, благодаря за присылку книгъ: „...opera pretiosissima... in quibus quot paginas revolve, tot fructus colligo. Laudabiles sunt hae regiones, quae tales libros vel potius talium librorum auctores doctissimos et eruditissimos producent“. Едва ли не впервые явились у насъ въ библиотекѣ Дмитрія Ростовскаго сочиненія Franc. Baconis de Verulamio (Шлякинъ, стр. 417, 452).

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru